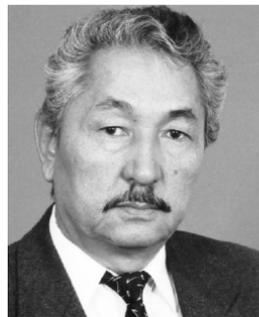

Кажигали Муханбеткалицы

ТЯЖКИЕ ВРЕМЕНА

Исторический роман

* * *

Хотя гости, прибывшие из Оренбурга, от хазрета до его помощников, были люди не только важные, но и тактичные, и вежливые, Сырым-би не стал включать их во внутренние переговоры со своими, ближними.

Ибо кое-что повидавший и переживший на своём веку би знал хорошо: посторонние глаза всегда судят обо всём слишком пристрастно и строго! И не только судят, но ещё и зорко усматривают слабинку. Пристально следят за каждым твоим шагом.

Поэтому, пока не соберутся все, кого он отправил в разные стороны, пока сегодня сам не выслушает их, только в своём узком кругу, Сырым счёл невозможным привлекать к этим беседам чужих людей.

По этой причине рассказы и руководителя побывавшей на Арке у Алимов, группы Алаша Утеули-бия, и объездившей далёкие пески Сам, Асмантай и Матай, а на обратном пути ещё и посетившей берега Уила, Киила, Жема и Сагиза группы под началом Маскар Донен-батыра, Сырым-би выслушал только с главными людьми Султансиика и некоторыми другими влиятельными мужами соседних крупных родов.

Сначала предложил высказаться побывавшему у Алимов Утеули-бию...

Приятное лицо основательно вошедшего в свой тридцатилетний возраст, светлого жигита, его широкий лоб и большие глаза с чёткими границами зрачков и белков, густые чёрные усы, так идущие открытому облику его, сразу располагали всех, кто видел его впервые. А ровный, похожий на басовитое звучание домбры, голос просто гипнотизировал...

– Достойные мужи! Не зря, видно, говорили предки наши в старину, что среди Младшего Жуза Алимы – старшие братья и надёжная опора, и защита. И своё истинное родство, и своё старшинство Алимы особо проявили именно в этот раз! – несколько напыщенно начал свою речь Утеули-би.

– А проявили они это так! – продолжал ещё напористей. – Когда мы повели им о положении дел, бии племени Шекты Сары Шоной и Сегизбай, Каракобек-би племени Торткара, Айдарбек-батыр племени Каракесек, Арыстанбай-батыр и

Окончание. Начало в № 1-3, 2016.

Ахтан-би племени Шомакей сильно встревожились по поводу сказанного нами. И заявили: «Коли кто-то жаждет держать в страхе и без того немногочисленных казахов, хочет извести их на корню, то, будь он не только ханом, но даже кем-то, кто, свесив ноги свои, спустился прямо с небес к нам, мы не сможем никогда поладить с ним! Не сможем быть ему единомышленниками!» Говаривали предки наши: «Коли золотое седло твоё причиняет боль хребту твоего коня, то соскобли это золото и швырни такое седло в огонь!» Коли хан не дорожит своим народом, то пусть хоть у него голова золотая, а зад серебряный, он достоин лишь изгнания!» Передайте, мол, поклон Байбахты Сырым: – Мы согласны с его решением. Всецело поддержали предложение не тянуть время, собраться миром и посоветоваться о письме царице и жандаралу! – так и передали всему люду, всем вам, сидящим здесь! – выговорившись залпом, умолк Утеули-би.

– Это точно, что наши старшие братья были единокорны? Не было ли не совсем согласных, Утеули-би? – стал докапываться Сырым.

– Нет! – отрубил Утеули-би. – Нет! Коли было бы так, то мы не вернулись столь довольные Алимами, Сыреке!

– Однако же разве племенами Торткара и Шумекей правит не Ералы-султан – родной младший брат хана, Утеули-би? Неужто не было замечено тех, кто склонялся бы к его поддержке? – выразил сомнение один из сидевших на почётном месте, на торе, Табын Тленши-батыр.

– Да, они тоже не ангелы, а простые смертные, с недостатками, присущими любому. Поэтому сомнение ваше уместное, Тлеке! Но мы докладываем и по правде, и по совести. Не облыжно. Мне ещё показалось, что этот самый Ералы-султан, будучи изгнанным с места главы улуса Кереев Среднего жуза после смерти отца своего Абилкаира, потерял рассудок от радости, когда ему достались не кто-нибудь, а сразу целых две толстые ветви Алима – Торткара и Шумекей. И не только не принял править этими племенами, а, наоборот, сам ходит на цыпочках перед биями Каракобеком и Утебасом... И старшие братья наши тоже говорят об этом и намёками, и почти открыто: «Алимы наши – море синее. Середина его – полынья, не замерзает! Даже беглых торе-чингизидов храним, как зеницу ока!». Поэтому мы и не увидели там никого, кто бы суетился и лебезил перед Ералы-султаном. Коли так сложился тамошний уклад, то не нам же его исправлять. Что повидали там, о том и поведали, Тлеке! – стоял на своём Утеули-би.

– Ла-а-адно, Утеули-би! Мы не сомневаемся в твоих словах. И всё же старшие братья наши Алимы могли заупрямиться: мол, с чего это Байбахты Сырым-батыр, который держит в своих руках бразды правления одной из толстенных ветвей объединения Байулы, выступил против хана, сидящего на троне? Могли – отсюда и вопрос, – сказал Тама Кадыр-батыр, давая понять, что и сам хотел подробнее выведать всю подноготную.

– Верно! Подобный слух слышали и мы, Кадыр ага! Однако он и то, о чём идёт речь сейчас – две разные вещи! – возразил Утеули. Предположения, делаемые лишь на основании зыбких слухов, занесённых туда случайными путниками, гуляют. «Дорогие наши гости, – сказали они, – хоть слава его прогремела смолodu, но Байбахты Сырым-батыр отнюдь не из тех горячих голов, каких немало в народе, готовых поскакать, куда угодно, лишь слышав, что там есть враг. Разве же он в первую голову не главный би целого народа, предводитель столь большого

и значительного племени? А стало быть, сам и обязан утихомирить выскочек, которые внезапно поднимают головы, остановить любого, кто рвётся причинить другим беду. Тогда почему же вместо того, чтобы успокаивать всех, он сам взял да и взбудоражил не только две тысячи дымов Байбахты, но и все пять племён Султансиика?” – так спросили они у меня.

И лишь после того, как мы дотошно разъяснили положение дел, всё, наконец, встало на свои места. Особено, когда Алимы услышали, что хан написал секретное письмо с просьбой совершить военное нападение на племена, обитающие в верховьях Илека и Жема. Тут у них и вовсе не осталось никаких сомнений в том, что Сырым-би всё делал правильно! – заверил Утеули-би.

Не зря сказано: разве чешется язык, коль за тебя говорят другие... Предводители родов Жетыру, сами приехавшие из тех самых верховьев Илека, которые хан указал для нападения, остались довольными тем, что посланцы бия Сырыма верно передали суть положения дел Алимам на Арке, и сочли уже неуместными дальнейшие расспросы и выпытывания. И перевели внимание собравшихся в другое русло:

– Ладно! Теперь, давайте, послушаем и вторую группу, совершившую дальнюю поездку!

– Что ж, говори ты, Донен-батыр! – кивнул теперь Сырым своему старому боевому товарищу.

...Раскраснелись донельзя широченные щеки Донен-батыра, который, даже стоя, был одинаков и в рост, и в ширину, а когда чуть шевельнётся, вздутые комьями на его плотном туловище мышцы, казалось, разрывали по швам одежду на нём. Будучи от природы светлицым, он вдруг потемнел ликом:

– Люди добрые! – молвил он и оглядел собравшихся. – Можно сказать, все, с кем нам довелось повидаться, с уважением приняли поклон Сырым-бия и поддерживают его. По моему предположению, так должно было и случиться... – так оно и вышло! Ведь Шомишты Табын Барак, обитающий в далёких песках Сам, был нашим боевым спутником и соратником, когда мы напали на Таналык, а Адай Атагозы-батыр и Берш Алдар-би – мудрые наставники аулов, подвергшихся нынешней весной набегам, надежда и опора этих аулов. Ну, а Таз Кулжабай-би, что на побережьях Сагиза, Берш Кара-батыр на Тайсойгане и обитающие в низовьях Уила Ысык Каратау-би, Есентемир Сасыкбай-батыр, живущие чуть ближе сюда Коккоз-би – люди, совсем недавно вместе с вами же побывавшие перед ханом и покинувшие его, навсегда разочаровавшись в нём. Это известно. Поэтому они открыто и сказали, что подпишутся под письмом царице о смещении хана. И что поддерживают предложение через пару месяцев, самое позднее к середине сентября, собрать весь народ и провести большой совет.

Ну и ещё. Шомишты Табын Барак-батыр прислал отдельный личный поклон Сырым-би. Он сказал: «То ли так было предназначено судьбой, то ли это счастье, определённое Создателем моему сыну, что главной добычей, доставшейся нам в пору недавнего Таналыкского сражения, стал русский начальник в золочёном мундире, хромой майор, которого повязал мой совсем ещё юный сынок Асау... Наш почитаемый глава улуса Айшуак-султан, оказывается, когда его схватили и стали уводить урусы, крикнул: «Передайте привет моему славному батыру Бараку! Если хочет, чтобы султан его воротился живым и здоровым, пусть захватит хоть и не равного мне, но близкого по уровню русского начальника и предложит обмен! А иначе вряд ли удастся мне воротиться в родные места...».

Я, приняв на себя как долг эти слова моего торе, попросил Сырыма обменять того хромого майора на Айшуак-султана. Однако и батыр ваш, и би ваш Сырым до сих пор так и не сделал этого! Не буду скрывать, я этим недоволен... По этой самой причине, хоть я и не имею ничего против того, что он задумал, но под письмом, которое будет написано царице, подпиши своей не поставлю!» – так он сказал... Если бы я не довёл до вас этих слов и не снял с себя обязательства передать порученный мне “поклон”, то, пожалуй, остался бы одинаково в долгу и на этом, и на том свете перед нашим соратником, с которым мы только вчера, поставив на кон свои жизни, вступали в кровавую сечу, – сказал, постепенно успокаиваясь Донен-батыр.

– Апырай, я же его от всех отличал особо и называл его «Мой Баракк!» – вскричал Сырым-би. Чувствовал в нём надёжную силу свою, если пошлю его на врага! Что же это стряслось с батыром, почему он держит сердце на меня? Мы же даже и не дошли ещё до того, чтобы обмениваться захваченными пленными... Да и не упрётся весь обмен только в Айшуак-султана! Разве не томятся в темницах и многие другие почитаемые в народе люди?

Байбахты Сырым болезненно воспринял слова Барака. Помрачнел и насупил брови... Видя это, Кызылкурт Жанбай-батыр не вытерпел, оборотился всем, словно вылитым из чугуна телом к собравшимся и прогудел:

– Эй, люди добрые!

Все напряглись, будто заслышав внезапный рык тигра. Жанбай-батыр продолжил резко и решительно:

– Да, люди добрые! Мы же здесь собрались не для того, чтобы заботиться о благе глав разных улусов... Да и для каждого ли казаха особо почётен этот Айшуак, чтобы говорить о нём отдельно, отличая, от всего народа? Мало ли он сам издевался над народом вместе со своим старшим братом – ханом Нуралы? Что же это Барак-батыр вцепился в него? Похоже, купился на какие-то слова и посулы этого торе, у которого умыслы жёсткие, а язык сладкий!... Иначе с чего бы такому батыру как Барак вдруг хлопотать за Айшуака-султана, будто за родного брата своего? Особенно в смутную пору, как нынче...

– Жанбай-батыр! Не стоит бросать лишние слова, свет ты мой! – сидевший на почётном месте возразил Тленши-би. – Кто это придумал, что все торе сплошь злодеи и насильники? Откуда такие утверждения? Не все же подобны прежнему главе улуса Султансииков, задиристу Есим-султану, которого, когда он стал слишком уж допекать людей, Сырым-батыр прогнал взашей! Может быть, и случилось, что Айшуак-султан бывал горд с гордыми... Но кто из вас заявит, что он не был с добрыми – добр? Ну?! Мы такого за ним не замечали! А потому давайте, отнесёмся с почтением к чувствам людей, которые с давних пор живут во взаимоуважении, братья! Воспримем поступок Барака-батыра, его заботливое отношение к внезапно захваченному урусам султану, как один из признаков доброго людского согласия! – предложил Тленши-би и сел, чуть откинувшись назад.

Сырым-би, тревожась, что вот-вот вспыхнет пламя раздора, подхватил:

– Ай, братья мои! Эти ваши слова напомнили мне один смехотворный случай. Да!.. Некто явился к блаженной памяти Ходже Насреддину и поведал об издевательствах, которые терпел от кого-то. «Что ж, ты, вижу, прав! Зови этого злодея!» – сказал Ходжа. Послушал того, кто чинил насилие, и показалось ему, что тот, вроде, тоже прав... Поэтому и тому Ходжа сказал: “И ты, я вижу, прав!”

Когда же ответчик и истец ушли, супруга заметила Ходже Насреддину: «И первому Вы сказали, что он прав, и второму... Как же это?» “Ох, баба, и ты, я вижу, права”, – ответил ей Ходжа.

Вот, и я слушаю вас внимательно, и кажется мне, что утверждения каждого из вас имеют основания, достойные мужи! Тленши-би! – вы оценили заботливое участие Барак-батыра по отношению к султану, главе улуса. И это слова вполне достойные почтения! Бесспорно, вы говорите правильно... Однако, как только что сказал и Жанбай-батыр, как мы можем понимать сказанное Барак-батыром: мол, я не против вашего замысла, однако под письмами не поставлю своей подписи? Как понять такие слова нашего вчерашнего боевого соратника, товарища по оружию, сказанные из-за одного лишь Айшуака-султана в такую пору, когда на чаше весов лежит судьба всего нашего народа... Неужто судьба Айшуака-султана дороже судьбы народа? Или же его свобода важнее достойной и спокойной жизни всего нашего народа?

Нет, братья мои! Вы вольны говорить, что хотите... Однако я вам сразу же заявляю: кто будет служить, не жалея жизни своей, сохранению единства нашего народа, кто поставит интересы большинства выше приятельских привязанностей своих, родства и близости, я – буду вместе только с такими! Буду поддерживать их и защищать! Не пожалею ни добра своего, ни себя самого! И к тому же это стремление полностью поддержали, как вы сами только что слышали, и Алимь на Арке, и достойные мужи всего двенадцатиколенного объединения Байулы от Яика до Жема, а также племена и роды, обитающие по берегам Уила, Киила и Сагиза Слава Богу, весь народ нас поддержал! Он хочет оставаться народом. А значит, и мы должны действовать, опираясь на него! А если будем опираться на народ, иншаллах, никто нас не сможет унижить. И никто не заставит сойти с этого пути!

Ныне, я думаю, есть только один вопрос, требующий своего решения. То, что после такого предательства хан Нуралы не должен оставаться на троне! Если и захочет остаться, то народ его не оставит... И хан, и ханство стали совершенными изгоями. Пустой обман! Лишь пугало – когда натянули чепан на деревянную крестовину, накинули на неё покрывало и поставили отгонять дичь и зверьё. Мы потребуем устранить их от управления народом! Для этого и готовим специальное письмо и жандаралу, и царице. Как же в таком случае управлять народом? Да, есть такая проблема! Ответ родится через месяц-другой, когда соберутся держать совет предводители родов всего Младшего жуза. Вы сами и решите – все вместе!

Пока же скажу: для того, чтобы переговорить с нами, по специальному поручению вновь назначенного жандарала к нам в аул прибыла из Оренбурга группа людей во главе с Мухамеджаном-ахуном. Они привезли нам письмо. Мы его прочитали. В одном месте жандарал пишет, что если есть особо запутанные споры и распри, можете повидаться непосредственно со мной или же через ваши письма к нам распутать узлы подобных скандальных дел... Правда ли это, покажет время. Посмотрим... Нам ничего лишнего ни от кого не нужно! Только бы не наносили вреда нормальной жизни нашего народа – а мы готовы прийти к согласию с кем угодно, кто хочет жить с нами в мире. Разумеется, у нас есть ещё и дополнительные требования, которые мы должны высказать и к Оренбургу, и к Петербургу. Но это уже отдельный разговор.

Так что отшлифуем письмо жанларалу и царице и вынесем его на ваше обсуждение. А теперь с вашего согласия давайте пригласим этих людей во главе с

ахуном на наше завтрашнее собрание и посоветуемся по поводу нашего письма. Позже отправим вместе с ними в Оренбург человек шесть наших людей... Как вы к этому относитесь? – спросил Сырым-би и, облегчённо вздохнув, обвёл взглядом окружающих.

Предводители родов даже растерялись, не находя, что сказать на это неожиданное предложение. Замялись, стали отделиваться отговорками:

– Ну, уж коли так было решено...

– Да! Пожалуй, это правильно!

– Так и сделаем!

Сырым-би остался сидеть, погружённый в раздумья.

Эх, послушать бы теперь советы таких людей, как посол-би Караман Тана Малайсары и би Есентемир Бокен! А о чём спросишь у них, что находятся на грани смерти, измождённых недугами и хворями? Бренная жизнь наша!

Так завершилось собрание. Предводители родов стали расходиться в раздумьях и глубоком молчании по юртам, где они остановились.

* * *

Подготовленное при подаче Сырыма-бия, отшлифованное и избавленное от случайных и излишних словес Письмо, похоже, пришлось по душе собравшимся со всех сторон предводителям родов... И когда обсуждали с утра, без лишних ушей и глаз, и потом, когда ещё раз зачитывали перед приходом оренбургских гостей, так и не нашли в нём ни сучка, ни задоринки.

...А вскоре вошли вереницей и приглашённые: одетый во всё белое ахун и его спутники.

– Ас-салам уaleyкум! – поздоровался со всеми хазрет, приложив правую руку к сердцу. А потом ещё с чистым сердцем приветствовал каждого, кто поднимался ему навстречу:

– Уагалейкум ас-салам уа рахматуллахи уа баракатуху!

С этими словами и прошёл на торь – почётное место в глубине юрты.

Когда в восьмистворчатой собственной юрте Сырым-бия на мягких одеялах-корпе верблюжьей шерсти, постланных поверх пёстрых красных ковров, каждый уселся в соответствии со своим чином и весом, Мухамеджан-хазрет по традиции, прочитав молитву с пожеланием счастья и благополучия Её Величеству царице и её семейству, а также всем подданным, проживающим под скипетром государыни, завершил её «салауаты шариф»: – «Аллахумма салли алаа Мухаммадин уа алаа аали Мухаммад, камаа саллайта алаа Ибрахима уа алаа аали Ибраахима иннака хамиидум мажиид»¹. После салауаты шарифа ахун прочитал не только «Раббанаа аатинаа»², но ещё и вдобавок и молитву «Кунут». «О, Аллах! Тебе поклоняемся и у Тебя просим помощи. Веди нас путём прямым. Ты надежда наша и опора. И за каждое твоё добро к нам превозносим и благодарим тебя. **Никогда не встанем против тебя. Будем держаться подальше от тех, кто поднимется против Тебя!**» – эту молитву прочитал он с умыслом, дабы напомнить собравшимся наставление мусульман: **«Подняться против царя – означает подняться против Аллаха: вина за это тяжка».**

¹ Смысл салауаты шарифа: «О, Аллах! Окажи нам милость, подобную милости, оказанной Пророку нашему Мухаммеду и его семейству, Хазрету Ибрагиму и его семейству!

² «Раббанаа аатинаа» ...так начинается молитва, которая читается после салауаты шарифа.

Кто из собравшихся и понял, тот понял. Кто не понял, тот даже не шелохнулся.

Когда завершились изъявления добрых пожеланий и традиционные расспросы о благополучии-благоденствии, Сырым-би сразу сам взял быка за рога:

– Добро пожаловать, достопочтенный хазрет! Как я вам сказал в прошлый раз, мы рады, что Вы прибыли в трудную пору, когда народу необходимо внимание достойных мужей, а мужам важно не опустить очи долу. Положение дел, думаю, мы объяснили уже в первую встречу в достаточной мере... Наши люди, которых мы направили в разные края, воротились с вестями от тамошних родов и племён. И – пока мы видим одно: весь народ Младшего Жуза – старейшины, предводители и бии – требует одного: оборвать всякие отношения с ханом. Есть, конечно, и такие, кто требует вообще разорить его, напасть на него. Но мы их сдерживаем. Потому что намереваемся довести пожелание народа сначала до жандарала, а потом и далее – до самой царицы. В связи с этим мы подготовили специальное Письмо. И хотим посоветоваться с Вами по поводу этого Письма, а потом отвезти его в руки жандарала через наших людей, которые отправятся вместе с Вами. Скрывать нам нечего. И хотим сначала прочитать письмо Вам... И выслушать Ваше мнение. Как отнесётесь к этому? – спросил Сырым и умолк.

– Хорошо... Читайте! – согласился Мухамеджан-хазрет.

Сырым-би кивнул своему дошлому в бумажных и письменных делах секретарю. Мулла-ногаец³ тут же затянул нараспев:

«Знаменитой во всём подлунном мире, владычице всяя Руси, а также многих стран на юге и севере, западе и востоке, Её Величеству государыне Екатерине Алексеевне!

От имени всех старейшин и простого общества Младшей Орды кочевого казахского народа.

Мы, весь простой народ Младшей Орды кочевого казахского народа, и те, кто вынужден то и дело совершать набеги на люд России из-за отчаяния, вызванного теми делами, которые творит хан Нуралы, и те, кто живёт спокойно и мирно, все вместе, собравшись, пришли к такому выводу: если сыновья Абилкаира, забывшие о заботе о своём народе, будут отстранены от ханской власти, а ложным письмам и наветам его сидящего ныне на троне сына – Нуралы-хана – впредь не будет придаваться никакого значения, то и мы даём обещание в дальнейшем не выступать против воли и распоряжений Её Величества государыни, исполнять Её царские указы, не подвергая их спорам и обсуждениям. Только при этом условии мы, все предводители родов и весь народ Младшей Орды, покоримся воле Её Величества государыни и признаем Её Саму своей доброй и милосердной правительницей. Открыто признаем что, совершавшиеся до сей поры столкновения между нами, набеги, совершаемые то Вашими, то Нашими, порождены были наветами и лживыми делами Нуралы-хана. Поэтому считаем абсолютно неуместным в дальнейшем оставлять Ханом подобного человека, принесшего так много бед и России, и своим казахам.

Если же эти наши просьбы не будут исполнены, то между Вами и Нами не может быть никакого согласия и спокойствия. Ибо, хоть мы и не испытали ничего особенно худого от Государыни нашей, но ежели не прекратятся коварство и подлость лживого хана, народ всё равно не сможет утихомириться. По этой причине до тех пор, пока этот хан не будет низведён с трона, нами принято

³ Мулла-ногаец – так называли всех мулл – татар и башкир – в Западном Казахстане.

единодушное решение не вести с Вами никаких переговоров и не заключать никаких соглашений. Поскольку все прежние соглашения и договоры наши нарушались из-за самоотвержения и подлости этого хана, то, коли он не будет изгнан из нашей среды, станут постоянно нарушаться и будущие наши соглашения.

А если сочтёте правильными эти наши требования и примете их, просим в первую очередь полностью освободить всех наших захваченных и взятых заложниками людей. Коли поступите так, то и мы, не медля, возвратим полностью всех находящихся у нас пленных.

Для того, чтобы дотошно провести это дело, мы бы просили оказать нам милость и прислать к нам человека, хорошо знающего наш народ и способы успокоить его – известного бая и купца «Белого рынка» Шукирала.

Поскольку не каждый из предводителей родов нашего народа, именуемого вами киргиз-кайсаками, имеет свою печать, подписываем в конце письма лишь имена наших старейшин.

Из племени Шекты: Кудаш-би, Сегизбай-би, Баши-би, Нурбай-би, Сартай-би, Жансары-би.

Из племени Торткара: Утебас- би, Қарақобек-би, Тилбай-батыр.

Из племени Каракесек: Айдарбек-би, Каражан-батыр.

Из племени Шумекей: Арыстанбай-батыр, Ахтан-би.

Из племени Кете: Коккоз-би, Макул-батыр, Утек-батыр.

Из племени Алаша: Утеули-би, Азамат-би, Сапар-би.

Из племени Шеркеш: Турманбет-би, Есенаман-би, Косем-батыр, Жаркын-бай.

Из племени Таз: Құлжабай-би.

Из племени Ысык: Каратау-би, Бердалы- би, Косек-бай.

Из племени Адай: Атагозы-батыр, Умир-батыр, Шотан-батыр, Асан-би.

Из племени Берш: Кара-батыр, Сарыжала-батыр.

Из племени Есентемир: Сасыкбай-батыр.

Из племени Маскар: Донен-батыр.

Из племени Кызылкурт: Жабан-батыр, Жанбай-батыр.

Из племени Жаппас: Тлеке-батыр, Дадрыс-би.

Из племени Байбахты: Етес-батыр, Аскар-батыр.

Из племени Тана: Султанали-батыр, Косдаulet-би,

Малайсары-би (посол).

Из племени Жагалбайлы: Сагыр-батыр, Тотай-батыр.

Из племени Табын: Есиркеп-би, Тлениш-батыр.

Из племени Тама: Кадыр-батыр, Садыр-батыр.

Из племени Кердери: Жумык-мурза, Кабыл-мурза, Конас-би.

Пир всего Киргиз-казахского народа Абужалал-ходжа.

----*-----

Дополнительно имеем сказать: Письмо его Высокопревосходительства, посланное всему нашему народу, и письмо, переданное через муллу Абдуллатифа лично Кете Коккоз-бию, мы получили;

и сие наше письмо шлём в качестве ответа и просим Вас также не задерживать ответа на него.

Своими ушами прослушав решение всех собравшихся, в качестве их доверенного представителя я – Сырым-батыр – приложил свою печать».

Поскольку в конце письма называлось его имя, Сырым-би счёл необходимым пояснить это:

– Уважаемый хазрет! Хотя в одном месте письма и сказано, что не каждый из наших старейшин имеет свою печать и потому перечисляем лишь их имена, однако же надо как-то заверить слова всего общества нашего. Вот, поэтому я и приложил свою печать. Приложил, потому что – и это главное – всё, что сказано в письме, является истиной! И потом я – человек, который своими ушами слышал и мнения большинства наших старейшин, имена которых приведены в конце письма, и их согласие подписать это письмо. А то, чего я не слышал собственными ушами, поведали мне дословно побывавшие у далече обитающих сокровников наших члены двух больших депутатий, каждая из которых состоит человек из двадцати. Если бы это сообщили считанные единицы, то ещё можно было бы сомневаться или даже просто не верить им. Но здесь всё очевидно: сообщённое просто не может быть ложью! Не так ли? Поэтому, как бы там ни вышло, я и беру на себя всю ответственность. К тому же, если завтра вскрыется какая-нибудь неувязка, я тем самым утверждаю, что буду отвечать собственной головой и перед Богом и перед людьми! Прошу вас твёрдо верить в это, хазрет!

– Уважаемый и почитаемый би! Как можно думать, что Вы сможете сказать несправедное слово, тем более – находясь среди стольких предводителей родов? Вы – человек не способный на столь нечестивый поступок. Поэтому нет у нас никаких сомнений или подозрений, свет Вы наш! – ахун поднял разом обе ладони в сторону собравшихся людей.

– Да благословит Вас Аллах, хазрет! А теперь прошу Вас сказать, что бы вы имели убавить или добавить в письме? – молвил Сырым-би.

Все затаили дыхания, ожидая ответа хазрета.

– В вашем письме я не усмотрел ничего лишнего. Но... – хазрет чуть помолчал, задумался, вонзившись взглядом в верхний косяк скрипучей дверцы юрты. И повернулся лицом ко всем со словами:

– ...Ну, а в качестве совета... Можно добавить пару мнений?

– Почему же нельзя!? Разве бывают слова, которых бы не стерпели белая бумага и чёрные чернила... Говорите! – подвинул его Сырым.

– Стерпеть-то стерпят, однако скажу сразу: в вашей воле включать или не включать мои слова в ваше письмо...

И тогда все загомонили разом:

– Говорите! Говорите же, хазрет... Мы внимаем Вам!

– Уважаемые братья! Если примете мои слова, я хотел бы выразить мысль, связанную с непосредственной просьбой генерал-губернатора, приславшего поклон всем вам... Большой сановник предложил взяться сразу за претворение дела по обмену пленными, не смешивая его с другими вопросами и особенно – по скорейшему возвращению людей, уведённых в последний раз из Таналыка! А вы связали это со снятием с трона хана Нуралы. И требования ставите слишком жёсткие, утверждая, что если эта просьба не будет выполнена, то не будет никакого спокойствия и мирного соглашения. Ладно! Допустим, это уж ваше дело. И всё же: что мешает, не ставя никаких условий, скорее провести обоюдозачинное дело – обмена пленными? Это ведь выгодно и для вас же самих! Предложите это в письме! Мудро, коли вы сами, первыми возьмётесь за это дело. Такой шаг

ускорит переход людей по обе стороны линии к спокойному существованию. И даст вам возможность в дальнейшем легче договариваться с вышестоящими сановниками, скорее найти с ними общий язык...

Хазрет умолк и оглядел окружение, пытаясь почувствовать настроение людей...

Похоже, предводители родов не раз уже обсуждали этот вопрос.

– Уважаемый хазрет! – откликнулся первым сам Сырым-би. – Таксыр, дело обмена пленными для нас давно решено! Об этом мы открыто сказали и в прошлый раз, когда нас посетил господин Шукирالي со своими спутниками. И письмо специальное было подготовлено. Однако последний поступок хана Нуралы всё же изменил наши намерения. Почему теперь мы, в первую очередь, требуем низвергнуть его с трона? А потому, что если этот хан не будет изгнан, любое соглашение завтра же будет нарушено через его наветы и ложные доносы! А коли так, то зачем и нужно такое бессмысленное соглашение? Чтобы выставить самих себя на посмешище? Нет! Мы так поступить не можем! Поэтому, передайте господину жандаралу: наше слово, данное Шукирали – твёрдое. Обещание – нерушимое. Мы от них не отреклись. И к обмену пленными готовы в любое время. Однако видим и то, что одним лишь обменом пленным дело не завершится. Сегодня обменяемся, завтра или послезавтра захват пленным может повториться опять. Ибо это не является основной причиной напряжённости. Это скорее – следствие. Надо сначала искоренить саму причину напасти, порождающей угрозу обеим сторонам. А таких причин немало... Мы намерены вынести это на всенародное обсуждение на большом собрании всех наших племён и родов в сентябре нынешнего года. По нашему разумению, это должно стать особо важным съездом, где народ, которому больше уже некуда отступить, народ, который загнан в тупик, будет держать совет, как быть дальше. И сам решит свою судьбу. В самые лихие времена свои, в години лютых испытаний народ наш и прежде не раз собирался для раздумий. Что делать, видно, и нам выпала пора поступить так же... Благодарение Богу: из всего Младшего жуза, с двадцатью пятью тамгами, старейшины и предводители, мудрые бии и батыры двадцати одного племени единодушно подписали это письмо, проявив свою сплоченность и единство. Слава Богу! Слава Богу! То есть, мы возлагаем надежду, что народ наш и без таких горе-правителей, как Нуралы, которые не заботятся о людях, а несут им сплошное горе, завтра же придёт в себя и сумеет жить не хуже прочих. Да доведёт нас до этого Владыка Создатель наш! – завершил свою речь Сырым-би.

Однако немало горечи осталось у него в сердце. Много чего невысказанного – но для этого надобно и другое время, и другое место. Даст Бог, ещё выскажет всё наболевшее – до дна. Лучше всего – потом. На большом совете.

– А пригласите ли Вы на этот ваш большой совет людей из Оренбургской администрации, Сырым-би? А если господин генерал-губернатор сам решит послать представителей – позволите ли Вы им участвовать в обсуждении?

– Поскольку народ, отказавшись от ханской власти, в дальнейшем сам станет заботиться о себе, то он, наверняка, возложит свои интересы и чаяния на старейшин и предводителей родов, известных и уважаемых биев и батыров. И на этом съезде речь, безусловно, пойдёт, не только о делах наших внутренних, но будут широко обсуждаться и взаимоотношения с сопредельными народами. И было бы весьма к месту, если бы в совете приняли участие представители проявляющего столько теп-

ла к нам в последнее время генерал-губернатора... Но обо всём этом мы поставим в известность жандарала через наших людей, которые отправятся послами вместе с Вами, хазрет! И если Вы, повывавший состояние дел у нас собственными глазами, прочувствовавший наши настроения поможете в этом, то мы Вам были бы глубоко благодарны. Будем молить Аллаха, чтобы Он пролил на Вас своё милосердие!

– Да, доведите эти наши слова неизменными до жандарала, хазрет! Открыто скажите, что таково требование всего нашего общества – низвергнуть с трона этого хана, который не только перестал считаться с народом и заботиться о нём, но теперь даже и не останавливается перед подлостью по отношению к своим подданным. Ну, и коли тронетесь в путь, то счастливой вам дороги!

– Да, удачи вам в пути! – вразной загудели собравшиеся.

* * *

...Через два дня и все остальные тоже стали разъезжаться.

Приехавшие из Оренбурга люди прихватили с собой в обратный путь в качестве послов добровольных пятерых посланцев Сырым-бия.

...Было решено собраться к середине сентября, провести Совет. Без Нуралы-хана, совет простого народа! С таким оповещением и были разосланы гонцы во все концы.

Каждый в Степи с надеждой глядел в будущие дни, продолжал свои нелёгкие будни, ожидая от Создателя снисхождения и добра.

Глава седьмая

Как не состоит жизнь из одних лишь удач, так и не слагается она только из гнетущих душу несчастий. Генерал-поручик барон Игельстром на собственном опыте убедился в этой старой истине, и лицо его, хмурое и насуспенное с тех пор, как прибыл он в Оренбургский край, наконец, прояснилось.

Барон, рискнувший снарядить в дальний и опасный путь группу людей во главе с ахуном Мухамеджаном Хусаиновым, не находил себе места от беспокойства и не ведал душевного покоя. Но пять дней назад посланцы не только благополучно воротились в город, но ещё и привели с собой пятерых достойных мужей с просьбами и требованиями кочевых степного народа, высказанными ими на большом совете, куда съехались предводители родов и племен киргиз-кайсаков.

Сказать по правде, генерал-губернатор предполагал, что эта депутация вот-вот явится, ждал её с тех самых пор, как побывал в степи Шукирали-бай со своими спутниками. И самое главное, что приехали посланцы не с пустыми руками, а с письмом, написанным достойными мужами народа Её Величеству государыне. Приехали, дабы вручить это письмо непосредственно в его, генерал-губернатора, руки.

Первым делом он велел срочно перевести письмо и прочитал его. Оно не обмануло его ожиданий. На барона, наконец, снизошло душевное умиротворение, и он глубоко задумался.

Удовлетворение барона вызвало то, что его решение открыто и без обиняков высказать своё мнение старейшинам Младшей Орды и всему народу, оказалось не только смелым, но и уместным. Предводители родов и племён приняли его идущие от сердца слова не как обычные, успокаивающие речи здешних чиновников, а поняли их и поверили им...

Представители киргиз-кайсаков, которых барон принял сразу же по приезде их в Оренбург, заверили его, что мысли, высказанные им в «Открытом письме», нашли одобрение всего народа:

«Ваши выводы единодушно поддержали все, кто, отчаявшись от беспредела Яицких казаков и несправедливостей, которые творит Нуралы-хан, вынужден был совершать набеги на народ России, а также и те, кто никогда не воевал и жил мирно».

Барон испытал восторженное чувство от того, что написанное им «Открытое письмо» смогло убедить предводителей родов задуматься и побудило их принять решение, полезное как для них, так и для него самого. Он понял, что не может не сообщить сейчас же столь радостное известие Её Величеству государыне, уселся за большой стол в своём просторном кабинете и в прекрасном расположении духа начал письмо, насыщенное самыми цветистыми оборотами и превосходными степенями:

«Всепресветлейшая, державнейшая, великая Государыня Императрица! Самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая!...

...«Открытое письмо», направленное по Вашему высочайшему соизволению в Киргиз-кайсацкую Орду, достигло неожиданно успешного результата и сподвигло старейшин и биев самых влиятельных родов собраться и, посоветовавшись, направить Вам с пятью посланцами письмо. (Посылаю Вам оригинал письма вместе с переводом). Полагаю, Вы, Ваше Величество, с присущей Вам завидной проницательностью увидите в этом письме и гнев простого народа на хана, и нежелание его в дальнейшем находиться под властью этого человека. Это же мнение подтверждает и донесение доставившего «Открытое письмо» ахуна Мухамеджана Хусаинова. (Прилагаю к письму и его донесение).

Если судить по этому письму, подписанному старейшинами и биями двадцати из двадцати пяти родов Орды, а также по донесениям Нуралы-хана, полным жалобами и сетованиями, что нет у него сил держать народ в жесткой руке своей, можно сделать вывод, что и сам съезд предводителей родов, и решение его не были тайной для Хана, а, наоборот, думаю, производились открыто на его же глазах.

Я не стал пока, Ваше Величество, до Вашего повеления давать ответ на письмо, доставленное киргиз-кайсаками: не велел им ни власти Хана подчиниться, ни их принятого всем миром решения не поддержал. А лишь высказал мысль, которая, считаю, приближает нашу конечную цель. Для урегулирования всех спорных вопросов между ими и нами надо создать Пограничный Судебный орган.

Они, похоже, одобряют это решение, позволяющее им быть независимыми от Хана. Но все же до сих пор наблюдается у киргизов и склонность к тому, чтобы цепляться за полы прежних традиций и не выпускать их из рук. «Пусть хан будет! – говорят они. – Только пусть он стоит в стороне от власти над нами, и тогда все розни и распри мы решим сами через предводителей родов и биев».

Посланцы, побывавшие у меня, пылают желанием сместить Хана, управляющего ныне народом, и посадить на трон ханствующего ныне в Хиве султана Каипа или одного из его сыновей. Однако же, Ваше Величество, опасаясь не угодить Вашей милости, я жду сначала Вашего милостивого повеления: поддержать власть этого хана, ныне возглавляющего народ. Или же лишь наблюдать внимательно за ходом событий, не вмешиваясь в их внутренние дела?

Как бы то ни было, ясно, что подобное неопределенное состояние не продлится долго. Вскоре та или иная сторона запросят Вашей Императорской милости. Поэтому нам следует скорее принять решение, кого поддержать будет целесообразнее в сложившейся ситуации.

И ещё одно обстоятельство: решаюсь сообщить Вашему Величеству о необходимости принять предварительные решительные меры, дабы в пору возможной междоусобной розни не зародилась опасность нарушения покоя вдоль нашей линии. Ибо даже теперь, столпившийся близ границы разгневанный люд то и дело угрожает нашим укреплениям, дабы лишь проявить свой гнев и ненависть к хану. Надо усилить охрану линии, но сделать это необходимо насколько возможно аккуратно. Ибо теперь, когда киргиз-кайсацкий народ пошёл нам навстречу и только-только стремится наладить мирные взаимоотношения, нагрязнуть к ним с войском – означало бы, несомненно, навсегда уничтожить это слабое доверие подвластного нам народа. К тому же в таком случае будет очень сложно удержать многочисленное войско от грабежей и насилия над мирным населением.

Докладывающий Вашей Императорской милости барон Отто Игельстром.

27 июля 1785 года. Город Оренбург», – написал барон и отложил было перо... Приоткрыв одну половину двустворчатой дубовой двери, робко вошёл адъютант.

– Ваше высокопревосходительство! Пришли господин начальник Экспедиции по пограничным делам генерал-майор Зенбулатов и обер-комендант, надворный советник господин Чучалов. Просят принять, – сказал адъютант и застыл, вытянувшись в ожидании ответа.

Осип Андреевич сунул письмо в выдвижной ящик стола, по всегдашней привычке перед приёмом кого-либо огладил мундир и причёску и, усевшись плотнее, сказал:

– Пусть войдут!

И вот, они вошли:

– Здравия желаем, господин генерал-поручик!

– Здравствуйте, Осип Андреевич! – поочерёдно пожали руку барону Зенбулатов и Чучалов и расположились друг против друга за более узким столиком, приставленным к большому столу генерал-губернатора.

– Слушаю вас, господа! – начал разговор генерал-губернатор. – По какому делу изволили явиться?

– Ваше высокопревосходительство! Прочитав секретное письмо хана Нуралы, направленное Вами обер-коменданту Оренбурга, мы с надворным советником Чучаловым пришли, чтобы выразить официальное мнение Экспедиции по пограничным делам, – сказал Зенбулатов, указав взглядом на своего спутника.

– Слушаю вас... докладывайте! – сказал барон.

– Мы полагаем, Хан говорит правильные вещи! – продолжил Зенбулатов. – Если не пошлём войска в аулы киргиз-кайсаков, которые что ни день устраивают перестрелки и резню на границе, если не покажем этим вора́м и разбойникам, где раки зимуют, то они, действительно, не дадут нам продыху от набегов и своего хана в грош не будут ставить! А что касается вопроса о возвращении захваченных ими наших людей, так это и вовсе пустые хлопоты, Ваше высокопревосходительство! По Указу Её Величества Государыни от 14 января 1782 года все взаимоотношения, споры и раздоры с сопредельными народами на пограничной линии входят в дела, подчинённые Оренбургскому обер-коменданту. Мы и пре-

жде направляли не одно письмо предводителям киргиз-кайсацких родов, требуя возвращения наших людей, находящихся у них в плену. Однако и по сию пору наши усилия не принесли никакого результата!

Тем временем здешние люди, у кого родственники в плену, узнали через тех, кому удалось бежать, или кого выменяли, где содержат их родичей, и теперь обивают пороги Экспедиции, умоляя нас принять меры. По официальным сведениям, начиная с 1782 года, когда было создано Уфимское и Симбирское наместничество в списке захваченных киргиз-кайсаками числится всего триста шесть человек Да-да, всего лишь! Однако же, если изучить сведения прежних лет в подшивках дел, имеющихся в Экспедиции, а, главное, послушать, что говорят выкупленные или сбежавшие из Великой степи, то становится ясно, что в плену у киргиз-кайсаков томится от 10 до 30 тысяч человек, Ваше высокопревосходительство!

С учётом этих обстоятельств, наша экспедиция, дабы, во-первых, оправдать свой хлеб, а во-вторых, по просьбе хана Нуралы, приняла решение провести против киргиз-кайсаков карательную операцию. Можно, конечно, ограничиться и обычной барантой... Теперь лишь просим Вашего приказа или устного разрешения, как Вам будет угодно...

– Генерал!.. – проговорил Осип Андреевич, пристально глядя на Зенбулатова. – Вы знаете какие-либо иные способы решения этой проблемы помимо карательных мер?! Сколько можно мне Вам напоминать, что только в начале нынешнего года по разрешению президента Государственной Военной коллегии, Его светлости князя Потёмкина, Вами в верховья Илека был отправлен отряд Смирнова с двумя пушками, состоящий из почти двухсот пятидесяти казаков Оренбурга и двух с половиной тысяч башкир? Кроме того, в тот же день более тысячи казаков под командой войсковых старшин Колпакова и Пономарёва отправились на нижнюю Уральскую линию и напали на киргиз-кайсацкие аулы, расположенные в урочищах Караколь и Карабау, порезвились там, отобрали лошадей и захватили в плен больше сотни человек. Может быть, вместо того, чтобы привлекать в объятия Российской империи новых подданных, убеждать их в милости нашей матушки Государыни и превращать в верных России людей, Вы ставите своей целью оттолкнуть их напрочь от российской короны?! Нет! Нет Вам никакого письменного приказа и никакого устного разрешения! И не будет!

Более того, и с тем самым ханом, который вместо того, чтобы призвать к порядку подчинённый ему народ, довёл его до отчаяния, а теперь хочет добиться его усмирения нашими руками, и с назначенными им главами улусов – султанами – Экспедиция по пограничным делам не должна более обмениваться никакими письмами без моего разрешения! С сегодняшнего дня Экспедиции запрещается приниматься за реализацию каких бы то ни было собственных планов без предварительного доклада! – барон перевёл дух и отрезал:

– Вот Вам мой приказ, коли Вам нужен приказ!

Совершенно не ожидавшие ничего подобного и Зенбулатов, и надворный советник Чучалов застыли, надолго потеряв дар речи...

И лишь через некоторое время раздался сдавленный голос Чучалова:

– Ваше высокопревосходительство! Господин генерал-поручик! Но по Указу Её Величества государыни от 14 января 1782 года взаимоотношения с сопредельными народами вдоль пограничной линии, а также вопросы урегулирования раздоров и распрей между обеими сторонам входят в число дел, подначальных

Оренбургскому обер-коменданту... Поэтому мы, Оренбургская экспедиция по пограничным делам, и осмелились выразить своё мнение по поводу секретного письма киргиз-кайсацкого хана Нуралы Абилкаирова сына...

– Надворный советник! – выходя из себя, прикрикнул барон. – Подобные дела по Указу Её Величества действительно относятся к ведомству Оренбургского обер-коменданта. Однако, почему же Вы никогда не читаете царских указов до конца!? А коли читаете, то почему молчите про примечание, где ясно говорится «Все дела эти должны реализовываться лишь под непосредственным руководством человека, исполняющего генерал-губернаторскую должность»? Такую забывчивость необходимо лечить... Завтра же вышлю Вам это распоряжение в письменном виде! – рявкнул барон и, взяв себя в руки, закончил:

– И повторяю Вам, о таких мерах, как репрессалии, до определённого срока забудьте! Вместо этого ставьте жёсткие требования к предводителям родов, которые присягали нам с Кораном в руках, и прилагайте все возможные усилия, дабы быстрее воротить назад наших пленных!

Лишь недавно от имени Её Величества Государыни я отправил «Открытое письмо» ко всем предводителям родов и всему киргиз-кайсацкому народу... Старейшины и знатные бии Младшей Орды держали совет, а затем послали сюда депутацию из пяти человек, через которую выразили полное согласие со всеми предложениями, которые содержатся в письме. Они готовы и к обмену пленными, требуя лишь сместить того самого Нуралы-хана, который потоками своих доносов и наветов в ваше учреждение в Оренбурге и Войсковую канцелярию Уральского казачества довёл ситуацию до опасной черты.

Сейчас с этими посланцами ведутся переговоры. И я лично с ними побеседовал. Их мнения и предложения кажутся не лишёнными основания... Однако я намерен ещё поговорить с ними. В связи с этим даже написал письмо Её Величеству государыне. От её ответа и будет зависеть, как именно нам, её покорным слугам, следует поступать. Пока же требую от Вас со всею добросовестностью искать общий язык с киргиз-кайсаками!

– Ещё имеете, что сказать? – осведомился барон.

Но и обер-комендант, и надворный советник не смогли справиться со своим разочарованием и промолчали с обиженным видом.

– Ну-с, в таком случае разговор исчерпан! Ступайте, господа! – сухо проговорил генерал-губернатор и завершил аудиенцию.

* * *

Обер-комендант и надворный советник, добираясь до службы, не обменялись ни словом и шли, прямо-таки задыхаясь от злости. Они полагали, что барон уже не первый раз был к ним несправедлив.

Едва зайдя в кабинет, генерал-майор Зенбулатов взорвался, выходя из себя:

– И кого это он из себя корчит, не пойму? А?! Чего он, скажи мне, нос задирает?!

– Вот, и я говорю... Откуда он взялся этакий попечитель киргиз-кайсаков?!

Вдруг, откуда ни возьмись, появился сам Иблис... А?! – подхватил тут же и Чучалов.

Они уселись за стол друг против друга и давай изливать так долго копившуюся горечь!..

– Только явился и тут же неизвестно что наговорил... Помнишь, Пётр Микифорович? – возмущался Зенбулатов. – Из военного контингента, что должен был на

линию ехать, говорит, и треть не поехала, а те, кто поехал, мол, вместо службы, сажают картошку для комендантов... Ну и что?! Придирается ведь почему зря!.. Что же комендантам молиться на казаков, что ли?! Или он полагает, что, не сажая картошку, народ в форпосте шесть месяцев зимы будет воздухом питаться?! Станный, я тебе скажу, человек!..

– Не странный он человек, Яков Михайлович, а злодей настоящий! – заныл Чучалов. – Помните, как он накинулся на Вас, что, мол, городской караул не сменяется своевременно. «Несмотря на то, что в городе стоят в полном составе четыре гарнизонных батальона...», – гнусаво передразнил барона надворный советник.

– Да-да! Он просто метит поставить кого-то на моё место! Иначе зачем бы ему с первого же дня набрасываться на меня: «Все недостатки на линии исправьте в течение одной недели!», говорит, – Как будто всю грязь, копившуюся ещё со времен Неплюева, должен я выгребать! Ишь придумал! Пусть сам гребет, коли сноровист! А я нарочно сказался большим и не поехал на линию! Пусть, думаю, делает, что захочет!

– И правильно поступили, Яков Михайлович! Правильно! Такие начальнички уж коли усядутся на шею однажды, то уж до конца жизни не слезут!

– Ну да! Я, понимая это, и не поехал. Ему самому пришлось на линию тащиться. Во второй раз уже послал генерал-майора Пеутлинга, того самого, уфимского. А со мной ничего не смог поделывать!

– А что он способен поделывать-то, господи? Шумит, да и только! И вообще, какой-то он не от мира сего – то ли глупый, то ли наивный, Яков Михайлович, заметили? И при этом мечтает облагодетельствовать этих перекаати-поле, кочевых киргиз-кайсаков, ветром гонимых, ложбинами ловимых! Забыл, что ли, что медведя молиться научила палка? Вместо того, чтобы давить каждого, кто бунтовать осмелится, он дурью страдает, мол, нужно добиваться мира и спокойствия по обе стороны линии! Он или не в себе или... Как бы тут не крылись чуждые нашей империи интересы, Яков Михайлович...

– Возможно, возможно!.. Помнишь, Пётр Микифорович, что он нам плёл на прошлом собрании? «Как бы свысока вы ни относились к киргиз-кайсакам, они, в первую очередь, наши подданные! Поэтому имеют полное право трепетать, коли Её величество разгневаётся, и быть обласканными, коли Она проявит свою милость». Вот же околесица-то! Думаю, нам следует неусыпно следить за всеми его делишками. Может, когда-нибудь мы его и ухватим!

– Вот-вот, – надворный советник чуть не свалился со стула, всем телом подавшись к обер-коменданту, – истину глаголете, Ваше превосходительство! – прошептал он чуть слышно. – Коли он следит за всем, чем мы занимаемся, почему бы и нам не делать того же? Думается мне, что о каждом его подозрительном поступке мы должны докладывать наверх... – Чучалов, подняв вверх указательный палец, глазами показал на потолок, – Пусть и в Санкт-Петербурге знают, каков их герой-то! Для этого... – Чучалов ещё более, чем прежде, пригнулся к столу, – Для этого... – сказал он, снова переходя на шёпот, – нам следует привлечь к себе его нового адъютанта, оренбургского офицера из наших, полковника Дмитрия Андреевича Гранкина. Через него и будем знать обо всём, что творит этот выскочка, чего думает, говорит и что на обед съел!

– А что он за человек, этот Гранкин? Достоин доверия? Вы его давно знаете, Пётр Микифорович?

– Ещё как знаю! Говорю же, он один из прежних офицеров нашего же Оренбургского корпуса... И всех его друзей отлично знаю. Начальники карательных отрядов, не раз показавшие киргиз-кайсакам, по чём фунт лиха. Харитонов, Кульнев и другие – все его верные дружки. Гранкин никогда ни в чём им не откажет. Если нас не захочет послушаться, то его же товарищей натравим! Да и сам полковник, между прочим, не раз признавался друзьям, что не понимает позиции генерал-губернатора, который вместо того, чтобы в первую очередь делать добрым русским, рьяно защищает туземцев. Потому-то я о нём и вспомнил! Полагаю, он и сам к нам с радостью примкнёт...

– Коли так, Пётр Микифорович, то и ладно! А пока рот на замок! И знаете ли что? Берите-ка это дело в свои руки. Коли Гранкин согласится, мы его не забудем, вознаградим за труды! Так ему и передайте: «Генерал-майор Зенбулатов ручается...». Да и ещё какая помощь потребуется – обеспечим! Двери наши всегда будут для него открыты... – последнюю фразу и Зенбулатов, подобно своему собеседнику, закончил шёпотом.

– Слушаюсь, слушаюсь... – закивал Чучалов.

Пожалуй, нечасто бывало, чтобы задуманная подлость оказывалась неосуществлённой... Бомба, которую намечено было заложить на пути генерал-поручика барона Игельстрома, спустя три года и в самом деле взорвалась... Хотя документ, оставшийся в истории под названием «Объяснительная записка полковника Д.А.Гранкина, переданная князю Г.А.Потёмкину, по поводу реформы, введённой генерал-губернатором Игельстромом в административную структуру Младшего Жуза», не положил конец карьере наместника Уфимского и Симбирского наместничества, но чуть не вынудил его опустить очи долу, замарал его честь, и лишь потому, что Бог бережёт чистых помыслами людей, не смог нанести непоправимого урона его авторитету. Подобно множеству других наветов и доносов, эта «объяснительная» до сих пор желтеет где-то в архивных стопках.

Однако то, что главными недоброжелателями барона Игельстрома были оренбургский обер-комендант Зенбулатов и надворный советник Экспедиции по пограничным делам Чучалов, продолжало оставаться тайной...

* * *

События последних дней заставили генерал-губернатора Игельстрома погрузиться в тяжёлые раздумья. Особенно много вопросов поднимало письмо, подписанное старейшинами, биями и батырами большинства крупных племён и требующее сместить нынешнего хана Нуралы Абилкаирова.

«Как же они решились настаивать на таких переменах? – размышлял барон, – Разве не знают, что снятие хана означает уничтожение исконной властной структуры – ханства?! Или же знают, но вынуждены пойти на такой шаг? Какие же обстоятельства довели их до подобного тупика?»

Не так давно, когда барон знакомился со здешними деловыми бумагами, ему довелось прочесть рескрипт царицы, направленный второго мая прошлого года бывшему до него наместником Акиму Ивановичу Апухтину. Императрица писала: «Когда бы Вы держали при себе в Оренбурге или Уфе депутатов из киргиз-кайсацкой Орды, было бы очень хорошо! Годится, если один из них будет султаном, остальные же – из разных родов и племён. Потому что Вы бы через них, во-первых, узнавали о новостях из их земель, а во-вторых, с их помощью доводили

бы свои поручения, инструкции и советы до вождей киргиз-кайсацкого народа!» Кажется, эти слова написаны буквально вчера, но сколько же перемен случилось с тех пор! Только в мае прошлого года у генерал-губернатора была возможность, коли захочет, держать при себе депутатов из разных киргиз-кайсацких племён. Сегодня же сложно даже просто усадить за стол переговоров представителей различных киргиз-кайсацких групп. Вероятно, можно было не доводить дело до таких крайностей, как знать... Однако в начале 1785 года, когда барон прибыл сюда, положение уже было осложненным донельзя. Ещё в Санкт-Петербурге его сиятельство граф Александр Андреевич Безбородко не раз заводил разговор о том, что в последнее время не только отношения меж яицкими казаками и степняками обострились, но и сам киргиз-кайсацкий Хан враждует с предводителями своих племён...

Теперь-то барон видит, что порученное ему дело, действительно, оказалось нелёгким. Что же предпринять? Нельзя сидеть сложа руки... Осип Андреевич всегда утверждал, что сидеть и выжидать, как будут развиваться события, – позиция человека равнодушного, наблюдающего со стороны, если хотите, даже трусоватого. Человек же неравнодушный обязательно будет искать выход. Ибо влиять на обстоятельства – обязанность человека действия. Именно теперь, понимал барон, наступил момент, когда его активная жизненная позиция должна принести пользу.

«Будем действовать!» – решил барон и тут же вызвал к себе тех пятерых депутатов, не так давно присланных большим собранием киргиз-кайсацких родов.

– Господа, в прошлый раз я уже говорил, что внимательно ознакомился с привезённым письмом. Не будет излишним сказать, что изучил даже написанное между строк! Предположим, мы пошли вам навстречу, исполнили ваше желание. Хан снят с трона... Что вы намерены делать дальше? Поведайте-ка...

– Самым первым делом обменяем пленных, господин жандарал! Сколько наших братьев томится в темницах, за железными решётками, в каменных крепостях вдоль Яика... Возвратим домой и ваших людей, которые в плену у нас... Разве не это означает понять друг друга, таксыр? – воскликнул один из посланцев, Мажан-батыр. Человек бесстрашный, хоть и не особо знаменитый, он не зря носил звание «батыра». Говоря всё это, Мажан-батыр ни разу не отвёл прямого взгляда от лица барона.

– Ладно! Это хорошо, – признал генерал-губернатор. – А дальше, как жить станете?

– Этот вопрос будет обсуждаться в сентябре на Большом съезде, где соберётся весь народ Младшего Жуза! Предводители родов во главе с Сырым-бием выражают надежду, что сам генерал-губернатор пожалует на это собрание! Или пришлёт хотя бы полномочных представителей. Дозвольте передать Вам это лично, господин жандарал-губернатор! – сказал ещё один степняк, прибывший в составе посольства, один из двух секретарей Байбахты Сырым-бия, домулла Абдуллатиф Бухари.

– Хм-м, вот оно как... Значит, проведёте всенародное собрание, – задумался барон и тут же снова спросил, – Однако... Почему же предводители родов во главе с бием Сырымом хоть и выставили требование о снятии хана Нуралы Абилкаирова, но так и не предъявили ни одного обвинения в его адрес? Разумеется, в письме вашем сказано, что хан своими наветами и ложными доносами

в Оренбургскую пограничную комиссию и Войсковую канцелярию Уральского казачества враждебно настраивает обе стороны друг против друга, и что народ отчаялся уже дожидаться мира. И всё же этого мало, чтобы взять и снять с должности человека, который исправно исполнял свои обязанности около сорока лет. К тому же и высказанные претензии требуют тщательного расследования. Поэтому, коли вы намерены ставить вопрос ребром, впредь готовьтесь отстаивать вашу точку зрения с доказательствами в руках. Это – раз!

Во-вторых, если даже хан будет смещён, то и после необходимость держать народ в определённом порядке никуда не исчезнет. Как бы то ни было, но должна быть некая инстанция, призванная сохранять спокойствие и в киргиз-кайсацкой среде, и в отношениях с сопредельными народами. И если для этого мы учредим общий для народов с обеих сторон Пограничный Суд, как вы отнесётесь к этому? Поскольку обеспечение покоя и мира на отдалённых линиях нашей Империи милостивым повелением Её Величества Императрицы возложено на меня, я не вправе ни на день оставлять это дело без контроля, господа! Во всех внутренних регионах России утвердились Правила по правлению губерниями, вышедшие в 1775 году. Уже десять лет вся Империя наша проживает по этим Правилам. А посему, коли мы станем требовать у вас, киргиз-кайсаков, одного из многочисленных народов, находящихся под скипетром Её Величества Императрицы, жить в соответствии с законом, то в этом не будет ни насилия, ни давления... Не так ли, господа?!

Было бы правильным, если бы вы, воротившись назад, во всех подробностях поведали о нашем разговоре и бию Сырым, и его соратникам, уважаемым предводителям родов.

А о главных предложениях, высказанных в вашем письме, я сделаю доклад и Её Величеству Государыне, и другим высоким инстанциям. И... буду дожидаться их ответа! Потому как право снять хана с должности, равно как и оставить его на ней не принадлежит мне! Будем ждать решения свыше. Я, господа, вам сообщу, – завершил разговор барон.

– Так тому и быть, господин жандарал-губернатор! Даст Бог, передадим предводителям нашим ваши речи, не исказив ни слова. До доброй встречи! – попрощавшись так, казахи стали подниматься с мест, чиркая по паркетному полу ножками стульев.

* * *

В последнее время до Ханской Ставки стали доходить слухи, один ужаснее другого. И всё же, Нуралы-хан равнодушно внимал им, оставаясь холодным и мрачным, словно они к нему не имели никакого отношения. Но одно происшествие, всё же, вывело его из равновесия. Когда хан услышал, что на его табуны, находившиеся в урочище Былкылдак, пуще всяких врагов налетели джигиты батыров Кадыра и Садыра из племени Тама и батыров Сагыра и Тотая из племени Жагалбайлы и угнали за ночь около тысячи лошадей, хан понял, что подобное дерзкое нападение не случайность, а является началом какой-то страшной напасти. Он спешно поднял Ставку с насиженного места в горах Аксуат и Коныр на Кабанбай-Какпакты и направился, не медля, в южную сторону... И без того-то душа хана была полна страхом, а теперь эта стужа, исходящая от народа, так обожгла ему спину, что он не мог заставить себя даже обернуться и сказать словечко!

...Ханское кочевье пересекло верховье Шили, выбралось на левый берег Калдыгайты и направилось прямо на Князь-город⁴. На одной из стоянок хан написал письмо коменданту Князя майору Мизинову, предупредив лишь о том, что Ханская Ставка расположится близ Базаршолана. Написать больше он не мог и пообещал, что подробности расскажет при личной встрече...

Разумеется, начиная с самого Теке, начальники всех форпостов и каменных крепостей вдоль Яика отлично знали Нуралы-хана. Все они не раз обстряпывали разные дела друг с другом. Однако самым надёжным и близким Хану человеком, можно сказать, просто другом, был этот майор Мизинов, с которым они делили навар, получаемый с каждого кочевья, переходящего через Яик. Потому Нуралы-хан и направился в Базаршолан, уверенный в покровительстве Мизинова.

Спустя четыре дня ханское кочевье, наконец, добралось до места. Добраться-то добралось, да когда принялись ставить юрты, до слуха хана дошла ещё одна весть, гораздо неприятнее прежних. Стало известно, что собрались подвластные хану простолюдины да написали письмо, что хана, мол, следует сместить, и направили это письмо с пятью посланцами в Оренбург. Вновь же назначенный генерал-губернатор принял их, оказывается, с распростёртыми объятиями, выслушал с большим сочувствием и даже, якобы, сказал:

«Коли кто не желает подчиняться власти Хана и султанов или считает их действия неправомерными, то вправе обратиться напрямую в Оренбургскую экспедицию по пограничным делам или ко мне самому. Разрешаю!»

Вот, те на!

Жена хана из калмычек (та самая Ырыс – мать пятерых сыновей хана, прозванных «пятью калмыками»: Есима, Каратая, Ормана, Шоткары и Елтая) говаривала: «У наших калмыков есть страшное проклятие «Пусть новое горе заставит тебя забыть твоё прежнее горе». Так и получилось с этим известием. Как будто мало было печали из-за почти тысячи лошадей, угнанных барымтачами, теперь ещё это... А хуже всего то, что этот жандарал, не очень-то жалующий самого хана, так благосклонно принял казахов-простолюдинов, и носится с доставленным ими письмом как с писаной торбой!

Огорчённый донельзя хан, задохнулся от бессилия и злости. И тут же в сердцах тоже взял да и написал письмо генерал-губернатору!

«Его высокопревосходительству генерал-поручику, генерал-губернатору Уфимского и Симбирского наместничества, главнокомандующему регулярными и иррегулярными войсками, а также кавалеру всех уровней барону Игельструму!

Хоть я и написал Вам уже не одно, а несколько писем подряд о своём родном младшем брате султанине Айшуаке и его сыне Егизгали, о невинно брошенных в застенки Уральской тюрьмы женщинах и детях племени Берш, а также и других обстоятельствах, однако же так и не смог получить от Вас удовлетворительного ответа. И подумал я, почему абсолютно невинные люди из-за проделок неких плутов, почему зря, до сих пор томятся в тюрьме; почему мы не можем получить какого-либо удовлетворительного ответа? А теперь полагаю всё это результатом того, что Вы сами раздвоились в мыслях и не можете окончательно выбрать для себя одну из сторон! Потому что Вы, оказывается, состоите в переписке с теми же людьми, которые то и дело совершают яростные нападения на Ваши форпосты вдоль Яика и даже на крепости, угоняют скот, увозят пленных, продают в рабство

⁴ Князь - город-форпост Калмыково (ныне Тайпак).

русских в чуждеальные края... Если уж быть точным, то переписывается с такими злодеями, как Байбахты Сырым и с примкнувшими к нему всякими босяками. Эти удручающие новости, насколько я слышал, распространяют в народе сородичи Шекты Шерали-батыра, который находится у Вас в плену, и муэдзин Оренбургской мечети мулла Таз Шапи, разглашая: «Байбахты Сырым и без хана нашёл общий язык с русскими и почти добился двустороннего соглашения!»

Разумеется, я не имею никакого права обижаться на подобные поступки Вашего высокопревосходительства и, конечно, не отрекусь от присяги, принесённой мной Её Величеству Императрице. Где бы я ни находился, в каких бы условиях ни оказался, я всегда буду продолжать честно исполнять возложенные на меня обязанности. Однако же, зная, что Ваше высокопревосходительство ходит под ручку с моими закоренелыми врагами, не могу ни сблизиться с Вами, ни поддерживать с Вами взаимоотношений! Если я после всего случившегося откочую в недосыгаемую даль или не стану выходить с Вами на связь, Вы не вправе винить меня: продолжайте поддерживать дружбу с теми, кто через день устраивает набеги на укрепления вдоль Яика! Они теперь Ваши друзья и конфидененты...

Не надо играть на два поля! Человек, разрывающийся меж двух полюсов, не построит ничего путного! Или будьте с ними, или же оставайтесь со мной в прежних добрых отношениях. Одно из двух! Скажите откровенно! Если мои недруги больше не найдут доброго приёма в Вашем доме, то, питаю надежду, что восстановятся наши прежние дружеские взгляды и взаимоотношения.

Насколько я слыхал, Байбахты Сырым задирает нос, утверждая, что мои письма, посланные Вам, в Оренбурге показывают его человеку по имени Шапи, а его письма, мол, никто не показывает людям хана... И ещё имеет наглость бахвалиться, что Вы, генерал-губернатор, прислушиваетесь только к его речам, а мои слова и в учёт не берутся! Кроме того, тот самый мулла по имени Шапи, оказывается, почему зря наносит урон моему авторитету, заявляя всем казахам, приехавшим на ярмарку, что ханские почести и уважение оказывают проходимцу Сырым, а меня, Хана, «ни в грош не ставят»!

Как же я могу сотрудничать с Вами и доверять Вам, когда с Вашего ведома превозносится авторитет моих недругов, а меня подвергают таким поношениям?! В этом причина того, что я давно не посылал Вам вестей!

И всё же байулинцы этих окрестностей, старейшины каждого рода, недавно собравшись и посоветовавшись, пришли к выводу, что необходимо прекратить все схватки с урусами и самим наказать своих неслухов! Им не нужен другой хан, кроме Нуралы! Они не будут слушать лживые речи таких людей, как Сырым!. Старейшины составили своё письмо, подтверждающее их решения, и отослали его известным людям нескольких родов: Даут-би, Шойтас-батыру, Шапак-батыру, Умиркулу, Берды, Айжарыку, Кукену, Естемесу, Күмисбаю, Суюндыку, Есену, Жумагулу.

Теперь решение – за Вами!

Всегда почитающий Вас и желающий благополучия и добра Вашей семье – хан Киргиз-Кайсаков Нуралы!

30 августа 1785 года», – велел написать хан и поставил свою печать.

Хотя начинал он это письмо, будучи разгневанным, всё же здравый смысл удержал его от чрезмерной резкости. Хотелось ему написать, что он обрывает отношения с генерал-губернатором насовсем, но жалкое, почти отчаянное положение,

в которое он попал, не позволило. Потому и сошёл в конце письма на жалобы... Разумеется, он и сам это почувствовал. Но дать волю своему гневу он не мог.

* * *

Отправляя людей в путь со своим письмом, хан, хоть и поставил во главе их Даут-бия, известного красноречием, однако сумел дать понять генерал-губернатору, что настроен воинственно, включив в число посланцев таких батыров племени Берш, как Шойтас и Шапак.

Не зря, видно, сказано, что «от озорника весть быстра!». Послы воротились гораздо раньше, чем хан их ожидал. Лица у них были довольные, и в глазах светилось благодущие. Хан обрадовался, надеясь только на хорошее. Предчувствие не обмануло его.

Послы вручили ему лично в руки письмо генерал-губернатора, адресованное «Хану Младшей Орды киргиз-кайсаков Нуралы!» Вот, что в нём было:

«Ваше письмо, посланное через людей во главе с Даут-бием, получил, высокопочтимый уважаемый хан! В связи с этим считаю своим долгом дать Вам следующий ответ.

Прошу запомнить, наипервейшим поручением Её Величества Государыни, когда она направила меня в эти края, было восстановить мирное существование киргиз-кайсацкого народа, покой которого нарушен, и привести его к безмятежной жизни, достойной наших верноподданных. Поэтому с первого же дня, как приступил к должности своей, и по сию пору я не однажды предупреждал Вас о необходимости пресечь в подвластном вам народе грабежи и разбой, призвать его к спокойной жизни. Однако же каждый раз Вы отделялись от этой обязанности, утверждая, что Вам это не под силу.

Поэтому дабы исполнить повеление Её Величества Государыни нашей, я поневоле был вынужден сам написать всему киргиз-кайсацкому народу и предводителям родов «Открытое письмо», строго требуя прекратить прежние безоглядные и беспричинные выходы. И действительно, если прекратятся набеги и насилие, я обещал испросить у Её Величества Государыни милость для тех, кто с искренним намерением стал на праведный путь и пришёл просить прощения! Известно, что после этого раскаявшихся стало заметно больше.

Разве отказ от недоброго пути не является необходимейшим условием для тихой и спокойной жизни Вашего народа? А коли так, то почему я должен отказать тем, кто захотел исправить былые ошибки?! Почему не должен обмениваться с ними письмами? Разве всем нам, в конечном счёте, нужен не покой в этом народе?!

Сейчас меня особенно удивляет, что люди, которых вы неоднократно обвиняли в нежелании Вас слушаться и сложить оружие, сами один за другим являются ко мне и выражают стремление к мирной жизни. Не означает ли это, что именно у Вас не хватает желания обеспечивать мир и покой в подчинённом Вам народе?!

И далее... Вы поставили мне в укор мои попытки наладить отношения с обеими противоборствующими сторонами: «человек, разрывающийся между двумя полюсами, не построит ничего путного»... Это я знаю и без такого советчика, как Вы! Однако мною всегда руководило желание воссоединить оборванную нить меж Вами и народом. Причём, сделать это, не уронив авторитета главы Орды и не унизив впавший в отчаяние и гнев народ. Но для этого и Вы должны перестать чваниться и обвинять всех вокруг. Однако Вы так меня и не услышали! Когда бы мы действовали сообща, то могли бы достичь многого.

И всё же, достопочтенный Хан, полагаю, у Вас ещё есть возможность удержать подвластный Вам народ! Если, как Вы сами пишете, действительно байулинцы не желают другого хана, то, значит, и непослушное меньшинство можно склонить на Вашу сторону. Для этого, как я уже сказал выше, необходимы лишь Ваше желание и гибкость, достопочтенный Хан!

Дабы поддержать Ваши скромные попытки уладить дело и поднять немного Ваш авторитет у народа, я сегодня отправил руководству Войсковой канцелярии ордер на освобождение семи человек из племени Берш, которые находятся в тюрьме в городе Уральске. Скорее поезжайте и заберите Ваших людей.

Эти Берши не давали покоя укреплениям и форпостам на Уральской линии и, отнюдь, не были достойны того, чтобы оказывать им такую милость. Однако, достопочтенный Хан, учитывая то, что Вы то и дело обращались с просьбой отпустить этих людей, я пошёл на такой шаг. Поэтому строго предупредите этот род. Только из уважения к Вам, как к Хану, я дал свободу их сородичам...

Думаю, уже из этого Вы убедитесь в добром моём отношении к Вам.

Барон Игельстром.

12 сентября 1785 года».

Прочитав письмо, Хан не мог понять, радоваться ему или обижаться на слова генерал-губернатора. Можно, конечно, и порадоваться, ведь Игельстром приводит его же собственные слова о байулинцах, не пожелавших другого хана, но тут же требует от него невозможного – привлечь на сторону власти и непослушное доселе меньшинство. Если ж обижаться на многочисленные упреки в бессилии, то как быть с большой уступкой генерал-губернатора, освободившего башибузуков Бершей, только ради того, чтобы повысить его, Хана, авторитет перед народом?

«Как же быть? Что ответить этому большому сановнику? Неужто Господь наказывает меня за мои прегрешения?!»

Такие тяжёлые мысли мучали Хана, попавшего в ловушку, выстроенную его собственными неверными решениями и недостойными поступками.

* * *

С тех самых пор, как был распущен Ханский Совет, который испокон веку превозносил славу и достоинство Орды и являлся свидетельством того, как единоподушно казахский народ решал любое дело, высокочтимые бии, члены Совета, были отстранены от народных дел. Ханская Ставка, уже около тридцати лет не видевшая собрания достойных мужей, была подобна дремлющему озерцу, оказавшемуся в стороне от полноводного русла. Жизнь здесь не была ключом, а скорее еле плескалась, и так же, как мелеет озеро, отделённое от основного русла, так и Ставка Нуралы-хана теряла прежнее могущество, а вместе с ним и бывшее многолюдие – сужалось её окружение, уменьшалось число обитающих окрест людей.

Сказать по правде, кроме считанных батыров племени Берш, вроде Шойтаса и Шапака, и всего нескольких уважаемых биев, как Даут, сейчас вокруг хана почти и не было влиятельных и почитаемых в народе людей. Все достойные и знатные в эти дни последовали за Байбахты Сырым-бием и его единомышленниками. Настоящая и горячая жизнь в эту пору кипела на беспредельных степных просторах, а не в Ханской Ставке, откочевавшей подальше ото всех и затаившейся в урочище у Базаршолана, что напротив Князь-города.

Весь же многочисленный казахский народ связывал теперь надежды на доброе будущее с Байбахты Сырымом, который вынудил самого большого сановника в Оренбурге – да-да, того самого вновь прибывшего жандарала! – вновь считаться со степняками и то и дело отправлять к ним гонцов. И сейчас по призыву предводителей родов несметные народные массы со всех сторон степи текли по направлению к речушке Жинишке, дабы принять участие в назначенном на счастливую среду, двадцать первое сентября нынешнего года Большом совете, который соберёт весь народ Младшего Жуза.

Это место для проведения совета было выбрано отнюдь не случайно... Не говоря уж о том, что оно было на одинаковом отдалении от мест обитания всех трёх племенных объединений Младшего Жуза, вдобавок, это было, Актобе – «Место, где сложив дома из красного камня, великий предок Асан-Кайгы обитал целых десять лет и держал с людьми совет». Это был левый берег небольшой речки, огибающей западный склон отдельно стоящего белого холма – Актобе, который почитали священным все казахи...

Народ, вознамерившийся принять участие в собрании, валил шумным и многоголосым потоком, направляясь сюда с востока – из Иргиза и Шалкара, с юга – из Больших и Малых Барсуков, Сама, Асмантая и Матая, с ближних побережий Жема, Сагиза и Уила, с запада – со стороны Яика, берегов Кара Хобды, Сары Хобды и Киила, с севера – из низовий Ори и Илека.

Едва прослышав о намечающемся съезде, некоторые аулы, обитающие в отдалённых землях, тронулись в путь сильно загодя. Однако им, до срока достигшим места встречи, пришлось остановиться – выставленные всадники пока никого не пускали к Актобе, дабы не истоптать в пыль землю, где будет проходить собрание. Прибывшие с востока племена объединения Алимуды остановились на Кумсае и Табантале. Племена объединения Жетыру – Табыны, а также Тама, решив принести жертвенный скот на могиле знаменитого коке Есет-батыра и прочесть по нём поминальную молитву, сделали привал у истоков Илека на речке Есенбай и под Бестамаком. Тронувшиеся с запада племена Байулы, перебравшись через Кара Хобду, остановились в верховьях Жинишке, а прибывшие с севера тесно расположились близ Каратогая и Курайлы.

И лишь когда осталось около недели до начала большого собрания, аскакалы, наконец, получили долгожданную весть. Местом будущего совета выбрали просторную густотравную равнину на правом берегу Жинишке. Было решено ставить юрты между этой равниной и Курашасаем – до подножия крайнего холма. Народ только этого и ждал. Уже на следующий день, будто наперегонки, степняки устали всю обширную равнину белыми, как гусиные яйца, юртами...

Вчера ещё покоившееся в дремотной тишине побережье Жинишке теперь наполнилось шумом и суетой, всё окрест обновилось и запестрело, как ярмарочная площадь. Если сейчас с вершины ближайшего холма, на котором вскоре соберётся народ, бросить взгляд на раскинувшуюся внизу равнину, то можно увидеть сотни белоснежных юрт, поставленных рядами, и множество людей, снующих между ними взад-вперед, подобно торопливым муравьям. Окрест холма паслись стада мелкого и крупного скота, судя по всему определённого аулами для убоя, а среди густого тальника вдоль берега реки бродило множество лошадей и верблюдов, на которых люди приехали на совет...

«Когда съезжаются роды – благо!», – говорят казахи. И теперь, когда эти роды не только съехались, но и расположились по соседству, общение между аулами, похоже, началось сейчас же. Не только простой люд, но и сами предводители родов, приехавшие участвовать в совете, похоже, не могли усидеть в своих юртах и, наконец, отпраплялись навестить своих знакомых биев да батыров, обитающих подчас на другом конце просторной равнины. Вот в чём заключалась одна из причин непрерывного движения и суеты, начинавшихся с восходом солнца...

Сыновья Султансиика, которые лично занимались особо ответственными делами, в первый же день спозаранку поставили в центре равнины восьмистворчатую белую, с тяжёлым основанием юрту Байбахты Сырым-бия и шестистворчатую, богато украшенную изнутри юрту его старшего сына Жусупа. Серенькие юрты, где должна была помещаться челядь, батраки, заготовщики дров и воды, расположили поодаль, вдоль ложбины. Справа же от юрты бия Байбахты поставили юрту Кете Коккоз-бия, слева – юрту Ысык Каратау-бия, обе очень красивые и нарядные.

Действительно, предводители родов, задумавшие это собрание и безоглядно поддержавшие Сырым-бия, заранее договорились по любому делу советоваться друг с другом – для этого и ставили юрты рядышком. Эта демонстративная близость, похоже, должна была показать прочим, даже самым важным мужам, значимость и решительность Кете Коккоз-бия и Ысык Каратау-бия.

Следом свои юрты воздвигли Берши во главе с Кара-батыром и Алдар-бием, Есентемиры во главе с Сасыкбай-батыром и Тазы во главе с биями Кулжабаем и Олжабаем, Адаи во главе со знаменитым батыром Атагозы, Шеркеши во главе с Турманбетом-бием. Все они расположились рядышком друг с другом.

То ли таково было распоряжение Сырыма-бия, то ли распорядители так решили сами, но все остальные Султансиики (вместе с байбахтинцами), будто приняв на себя обязанность оберегать предводителей от возможных бед и напастей, поставили юрты вкруговую, являясь как бы оградой и защитой им.

Кроме Коккоз-бия, который со времени первого собрания на Камысколе неизменно оставался рядом с Сырымом, все остальные из объединения Алимұлы расположились на правом краю равнины, создав большую группу. Среди них были давние и дорогие сваты Байбахты Сырыма – бии Шекты Сегизбай и Сары Шонай, а также молодой батыр Котыбар, недавно поучаствовавший в нападении на Таналык. Там же поселились бии Кудаш, Баиш и Нурбай, прославленные мужи старшего рода четырёх родов Шекты – Жакаима, а ещё непобедимые ни в словесных спорах, ни в состязаниях знатные бии племени Торткара – Утебас и Каракобек, Айдарбек-би и Каражан-батыр из племени Каракесек и такие почтенные люди племени Шомакей, как Арыстанбай-батыр и Ахтан-би.

С левой стороны привольно и широко раскинулись юрты самых известных людей племенного объединения Жетыру. Первыми – совсем недавно вместе скакавшие на врага в Таналыкском сражении, Жиёмбет Табын Тленши-батыр Бокенбайұлы и Шомишти Табын Сатыпалдыұлы Барак-батыр. А рядом их верные друзья – братья батыры племени Тама – Кадыр и Садыр, батыры племени Жагалбайлы – Сағыр и Тотай, вздорный би племени Кердеры – Коныс и такие мурзы того же племени, как Кабыл и Жумык...

Сырым-би неспроста поручил первыми поставить в центре обширной равнины именно свои юрты. На другой же день он заявил:

– Братья мои, по традиции древних предков наших, приглашать в гости тех, кто прикочевал позже – обязанность тех, кто обосновался раньше. Стало быть, сегодня этот почётный долг выпал нам! – и, сказав так, звал к себе всех главных людей трёх племенных объединений.

Этот праздник гостеприимства начался в полдень. Прислуживавшие джигиты принесли сотни бурдюков с кумысом, а затем привели гривастую, жирную, белую кобылицу, сдерживая её норов удушающе тугой обротьё, и поставили боком перед собравшимися, дабы старейший из них благословил её на убой. Самым старшим среди гостей оказался Берш Алдар-би, который, раскрыв ладони, дал своё благословение. После этого строптивую кобылицу с крутым, как перевёрнутое корыто крупом, мигом увели...

Конечно, созывая именитых гостей, Сырым-бий хотел получить благословение старейшин, но не только. Накануне столь важного и большого собрания ему важно было понять, какие настроения и мысли имеют люди всех трёх племенных объединений. Слава Богу, о чём бы гости ни заговаривали за угощением, среди них не было замечено никаких разногласий. Наоборот, все, начиная с самых старших – бия Берш Алдара и Адай Атагозы-батыра – выразили неподдельное уважение Сырым-би, с таким почётом принимавшим их.

Всеобщему оживлению способствовали ещё и некоторые важные обстоятельства. Одно из них заключалось в том, что главный батыр Шомишти Табынов Барак, обидевшийся на Сырыма-батыра за то, что тот не спешит обменять схваченного русскими Айшуак-султана на известного хромого майора, взятого в плен на Таналыке, и отказывался ставить свою подпись под письмом, написанным предводителями родов царице-бабе, сегодня, наконец, помирился с Байбахты Сырымом. Причём, все предводители родов сначала поразились этому событию, а затем обрадовались, но никто из них там ничего и не сказал об этом вслух! Табын Барак приехал очень издалека, из песков Сам, чтобы поучаствовать в собрании, и сидит сейчас на почётном месте – торе.

Не зря говаривали предки: «Гнев хорошего человека длится до тех пор, пока не просохнет шёлковый платочек!» Сырым-би, взяв с собой уважаемых людей Султансиика, самолично отправился звать к себе в гости предводителей родов Жетыру, почитаемого за «старшего брата» других объединений Младшего Жуза, и зашёл с поклоном в юрту Барак-батыра. Тот сразу растаял, когда увидел у себя на пороге Байбахты Сырым-батыра, хоть всего на год да старше, но пришедшего к нему первым. Барак-батыр вскочил с места, и два воина обнялись, крепко и молча, тут же поняв и простив друг друга! И сейчас оба сидели, душевно беседуя и сияя открытыми лицами.

Вдобавок к этому долгожданному примирению была и ещё одна приятная весть: давно уже хворавшие, не встававшие с постели бий-посол Караман Тана Малайсары и бий Есентемир Бокен передавали низкий поклон и желали удачи этому Большому собранию.

Поклон Малайсары-бия передал всем собравшимся сам Сырым-би, недавно съездивший проведать его. Гости заволновались, со всех сторон посыпались расспросы о самочувствии аксакалов. Сырым-би, сидевший, скрестив ноги, на самом рядовом месте, ближе всех к порогу юрты, на стеганых одеялах-корпе, сложенных в четыре слоя, тем не менее, возвышался надо всеми, благодаря своему богатырскому сложению. Распрямив своё щедро скроенное Богом, огромное тело, он заговорил о том, что видел и слышал в той поездке.

– Поскольку би-посол в свои здоровые дни был человеком ладным и крепким, то некоторая худощавость его сложения, как у кречета, не всегда бывала заметна. И вот этот человек, всегда изящный и стройный, лежал перед нами на семи слоях корпе, постеленных на полу, но при этом нисколько не терял своего красивого достоинства. Лишь по чрезмерно бледному, исхудавшему лику и запавшим сероватым глазам, почти полностью укрытым густыми седыми бровями, можно было догадаться о муках, которые он испытывает. Но всё же, несмотря на тяжёлый недуг, готовый в любую минуту увлечь его навсегда в безвозвратную вечность, би-посол оторвал от лежанки голову, велел приподнять изголовье и постарался поговорить с нами! – сообщал батыр Сырым.

– И что же он сказал?! Не гложет ли этого необычайного человека невысказанная обида, невымолвленное заветное слово или сжигающее душу сожаление? – спросили старшие гости, лучше молодых понимающие состояние недужного.

– О многом мы переговорили с ним, всего и не перескажу. А именно этот вопрос в последний день, перед отъездом я и сам задал бию! – сказал Сырым-би и снова помолчал, при этом две глубокие бороздки между его бровями стали ещё глубже.

– И? Что же ответил би? – поторопил кто-то.

– Он сказал так: «Нет, свет мой, сожалений нет. Зачем сожалеть о прошлом? Даже и сейчас я думаю о вас... О вашем стремлении вперёд, о ваших благих надеждах». С этими словами, би-посол, не открывая глаз, на миг как-будто погрузился в думы... А потом с трудом проговорил: «Коли придутся вам слова мои по душе, передадите их всем, как завет немало пережившего старца вашего. А коли не по нраву придутся, слова мои останутся лишь в моём сердце... У вас большие цели, значит, и раздоры могут быть серьёзными. Однако, какими бы великими ни были ваши задачи, не дай Бог вам очернить тех, кто далёк от вас и ранить тех, кто близок! А если и случится метаться, не находя справедливого решения, да будет вам путеводной звездой истинное благочестие! Свет мой, Сырым! Это и есть мой завет тебе и спутникам твоим!» Молвил так старец и замолчал, больше не проронив ни слова.

– Ну, а потом?.. – стали, было, докапываться некоторые.

– А что потом! С этим заветом старца мы и воротились назад в аул... Теперь, вот, довели его слова до вас и, кажется, исполнили свой долг! – вдохновенно молвил Сырым-би.

И тут же слова его подхватил Есентемир Сасыкбай-батыр:

– Достойные мужи! Я тоже один из тех, кто привёз сюда подобный завет. Если позволите, избавлю сердце от этого долга!.. Вы, конечно, знаете известного всем казахам бия Бокена – того самого, который утверждал: «Кто садится на коня, у того в душе зарождается гордыня, а в груди начинает бушевать надменность, такому не понять чужих печалей и забот!» Слово и дело у него не расходились – бий Бокен всегда ездил верхом на быке, поражая весь народ и заставляя его слушать и уважать свои суждения...

Когда мы выехали из Карабау, я отделился от своих, дабы проведать этого занедужившего мудреца, и заехал к нему в Каракудык... Расспросив про житьё-бытьё, бий, достигший почти девяноста лет, заговорил, слегка посмеиваясь надо мной, как он всегда любил: «Ну, рыжий неслух! Молодым, помню, у тебя впереди рассудка частенько поспешал гнев, а впереди слов – кулаки... Не знаю, как это

вышло, но только Бог поддержал тебя, и ты стал зваться «батыром»! Ладно, отнесёмся к этому с одобрением. Однако радует меня не это... Истинно доволен я тобой потому, что, став предводителем рода, ты поумнел, свет мой, и можешь теперь держать ответ за род Тагашы! Говорят, кто из неслухов выправился, тот и лучший джигит!»

Би, конечно, подтрунивал надо мной, но потом продолжал уже серьёзно: «Свет мой, знаю, что едешь на большое собрание... Передай низкий поклон всем предводителям родов от меня, который подобно старому волку, попавшему в капкан занедужил и не в силах принять участие в совете, собравшем сливки нашего народа. Да исполнятся ваши помыслы! Это первое! Второе... Говорят, возглавляет собрание Байбахты Сырым. Донеси до него, в эти дни и бия, и батыра, мой поклон! Когда-то я сам благословил его, как своего воспитанника, на благие дела! Во все времена, у того, кто ведёт за собой народ, холка натерта до крови... Так что характер должен быть неколебим. И если кто за глаза его судит, а в глаза хвалит – так это тоже закономерно! И, вот, теперь на этом Большом собрании, пусть не будет обид, а царит только чувство родства! Передай эти мои слова как можно настойчивей. Это мой завет не только одному Байбахты Сырым, но и всем нашим достойным мужам! Если ты, действительно, поумнел, рыжий неслух, то и тебе тоже!» – так закончил он свои речи.

Эти его слова – «Если ты поумнел...» – сказанные мне, человеку, которому давно за пятьдесят, полоснули меня будто камчой по спине... только отъехав, я понял, что в словах этих кроются и совет, и лёгкий упрёк, и надежда, возлагаемая на младшего брата, а самое главное – любовь старшего, братская нежность его и родство души! О, Аллах! К кому мы пойдём за добрым советом и братской любовью, если вдруг покинут наш мир эти люди!? Кто надоумит нас?! Кто остановит нас, когда будет нужно?! И так плохо стало у меня на душе, что, если поверите, еле добрался сюда! – глухо проговорил обычно казавшийся высокомерным, рослый, немолодой, рыжеватый мужчина и почему-то угрюмо замолчал, уткнувшись взглядом в землю.

На какой-то миг в юрте воцарилась тишина.

И вдруг:

– Будет! – раздался внезапно чей-то зычный голос.

Все удивленно обернулись. Оказалось, это воскликнул до сих пор молчавший, сидевший не шелохнувшись, старец с седой, как лунь, бородой и усами, – Берш Алдар.

– Будет! – повторил он. – Лебедь полетит – отправится на озеро. Дрофа полетит – отправится в пески! И человек, не пойдёт неведомо куда, а окажется там, куда ушли предки его! Оба наших почтенных бия прожили достойную жизнь... И оба они, хоть и прикованы недугами к постели, желают лучшей доли народу и нашли в себе силы передать поклон всем вам, съехавшимся на Большое собрание. «Нет цены у золота, пока оно в руках твоих». Кого из лучших людей мы ценим, скажите, кого признаём вовремя?! Эти старцы, как могучие деревья, осиянные Богом! Спасибо им! Да благословит их Аллах! – сказал Берш Алдар.

Народ снова загомонил, и шумная беседа продолжалась.

– Кстати, Сырым-би, чем же кончился разговор о том, что новый жандарал-губернатор, хоть сам и не приедет, но пришлёт своих людей? Когда и сколько человек прибудет? И какими полномочиями наделил их губернатор? – затронул новую тему Шекты Сегизбай-би.

И Сырым-бию, созвавшему весь Младший Жуз для того, чтобы решить, как вывести народ, казалось бы, из безвыходного тупика, нужен был сейчас именно такой разговор. Он тут же ухватился за эту возможность:

– Полагаем, что посланники генерал-губернатора придут самое позднее к завтрашнему вечеру, Секе! Сколько их, одному Богу ведомо, а возглавляет их, говорят, башкир по имени Мендияр Бекшораулы, который прежде служил толмачом в Оренбурге, а сейчас является судьей в Уфе. С ним, вроде, придут приехавший к нам в прошлый раз ахун, главный имам Оренбургской мечети Мухамеджан-хазрет, ваш сокровник Шекты Шукирали-бай и сын нашего пира-ходжи Абужалела, работающий в Хыдудия-махкама, Нурмуханбет. Судя по вести, присланной муллою Шапи из Оренбурга, жандарал нарочно включил в состав этой группы Нурмуханбета, поручив ему приложить особые усилия к тому, чтобы мы нашли общий язык. Если завтра они явятся, то, надеюсь, все, кто сейчас сидит здесь, выйдут приветствовать почётных гостей! И среди встречающих, конечно же, будете и Вы? – с радушной улыбкой обратился Сырым-би к своему свату.

– Конечно, буду! Мы же и явились-то сюда, в том числе, ради разговора с посланцами жандарала. Поглядим на людей большого русского сановника! И они пусть нас увидят... – сказал, ещё более раздумываясь и без того красноватым ликом, Сегизбай-би.

Все помолчали, обдумывая последние слова. Недолгую тишину прервал молодой, горячий батыр Котыбар:

– Говорят, здесь находятся и сыновья Айшуак-султана Жанторе и Сапак, а также сыновья хана – Абылай, Букей и Шыгай. Вы их видели, батыр? Не являлись ли они навестить Вас? – возбуждённо спросил он, словно готовый прямо сейчас показать ханским детям, где раки зимуют, если они не пришли поклониться Сырыму.

– Нет, свет мой... Я их не видал, и ко мне они не заходили! Они же торе-чингизиды. Вот и чванятся этим, наверное, – лишь улыбнулся в ответ Сырым.

– Апырай, как же они решились-то приехать сюда? – удивились некоторые.
– Как это хан отпустил своих сыновей на такое опасное собрание?! – хмыкнули другие.

– А коли завтра останутся без черни, то чьими властителями станут называть себя эти торе?! Да и явились, небось, приглядеться что да как... – выставив густую бороду, съязвил сидевший на торе Берш Кара-батыр, широкогрудый человек с крупными чертами лица.

– Ладно! – решительно вернули разговор в прежнее русло молчавшие до поры бии племени Торткара Каракобек и Утебас. – Действительно, интересно, какой властью обладают люди, что едут к нам? Хотелось бы понять...

– Узнаем, когда гости придут, из их же уст, достопочтенные бии! Говорят, русские обычно все поручения расписывают на бумаге. Скажут сами! – не захотел заранее строить предположения Сырым.

Разумеется, в письмах, коими до сих пор обменивались с Оренбургом, заранее обговаривалось многое, были высказаны и пожелания, и требования, но чёткого и исчерпывающего ответа генерал-губернатор так и не прислал. Хотя Сырым, всё лето рассылавший приглашения народу Младшего Жуза, был и главой, и начинателем большого собрания, но ответить на этот вопрос не смог бы.

Эти загадки томили душу и ему самому, в последнее время не покидая его ни днём, ни ночью. Сырыма мучали опасения, что завтрашний разговор может накалиться до предела, но не принести ответов. Может статься, что люди будут настаи-

вать на незамедлительном снятии Хана с трона, а русские будут уходить от ответа, ссылаясь на далёкий Оренбург, и разговор просто сойдёт на нет. Но всё же кое-что питало его уверенность – что бы там ни сказал русский сановник, у самого Сырым-бия каждое предложение, которое внесёт он в Большое собрание, так и пело в душе. Предстоящее дело, о котором он столько мечтал, наполняло его энергией и верой в то, что на этот раз люди заставят власти выполнить своё требование. А коли не сумеют, то народ, прогнавший Нуралы-хана на нижнюю Яицкую линию, уже, небось сам, без оглядки на что бы то ни было, возьмёт свою судьбу в собственные руки.

Поскольку Сырым не стал продолжать разговор о полномочиях русских посланцев, то и соратники его, Ысык Каратау и Кете Коккоз, не стали больше расспрашивать...

Когда разговор о политике оборвался, предводители родов, давно не встречавшиеся друг с другом, заговорили о разных жизненных коллизиях последнего времени – мелких и крупных спорах, столкновениях и трениях, продолжающихся до сих пор или благополучно завершившихся. Когда же иссякла и эта тема, казахи перешли на разговоры по душам, как водится, полушутливые, полусерьёзные.

Таким образом, когда предводители родов, явившиеся в полдень в гости к Сырым-бию, стали расходиться по своим юртам, солнце уже склонилось к закату.

* * *

Оренбургские гости, которых встречала большая депутация во главе с Сырымом на расстоянии перегона ягнят, добрались до места собрания, на берегу Жинишке, уже когда засияли вечерние огоньки. Увидев измождённое состояние прибывших, Сырым-би и его ближайшие соратники Ысык Каратау и Кете Коккоз перенесли на завтра их встречу со всеми предводителями родов. А на сегодня переговорить с гостями пригласили лишь самых авторитетных людей трёх племенных объединений.

Главными в группе посланцев были Мендияр Бекшораулы, Мухамеджан-хазрет и проживающий в Оренбурге бухарский купец, известный богачей Амир Мирбадеев. Эти трое сразу по прибытии отправились в сторону восьмистворчатой белой юрты Сырым-бия, остальные же подались в стороны соседних юрт попроще.

Когда, наконец, почётные гости расположились на торе, рядом с ними остались лишь особо уважаемые в этих краях знаменитый посредник Белого Рынка Шекты Шукирали-бай и служащий Оренбургского учреждения Хыдудиа-махкама, титулярный советник, сын почитаемого всем Младшим Жузом пира Абужалелал-ходжи – Нурмуханбет.

Вскоре явились и самые уважаемые люди народа: от объединения Алимуды – Кудаш-би и Сегизбай-би из племени Шекты, Каракобек-би и Утебас-би из племени Торткара, от объединения Байулы – Турманет-би из племени Шеркеш, Алдар-би и Кара батыр из племени Берш, Атагозы-батыр из племени Адай, от объединения Жетыру – Тленши-батыр и Барак-батыр из племени Табын, Коныс-би из племени Кердери. В юрте стало яблоку негде упасть, и в казахах проснулись надежды и силы, которые горячили когда-то кровь их предков, собиравшихся на Совет в Ханской ставке.

После того, как обе стороны, проявляя должную вежливость, порасспрашивали друг друга о здоровье и благополучии, Сырым-би представил гостям присутствовавших предводителей родов. И тут же, пользуясь тем, что прежде он уже побывал здесь, повёл речь Мухамеджан-хазрет:

– Если спросите, кто возглавляет нашу группу, прибывшую по поручению его высокопревосходительства генерал-губернатора Осипа Андреевича Игельстрома, то это сидящий перед вами господин Мендияр Бекчурин! Коли кому из вас доводилось прежде бывать в Оренбурхе, то, наверное, слышали, что этот человек в своё время служил в конторе генерал-губернатора самым знающим и авторитетным переводчиком. Сейчас и должность его, и авторитет стали ещё выше: он судья второй нижней расправы в городе Уфе. Звание его именуется – коллежский ассессор

Кстати, «судья» означает обычное понятие судья. А вот слово «расправа» вы, может, и не поняли... По общему для всей России порядку Её Величество государыня Екатерина Вторая, учредила уездный судебный орган, который выносит приговоры по обычным спорам и раздорам, а также уголовным делам! Может, вы опять-таки не поняли слова «уездный»... Это целое общество населения, включающее в себя от двадцати до тридцати тысяч народу. Есть же у вас казы или бии, которые выносят приговоры... Вот и господин Мендияр тоже – точно такой человек!

Никто из нас вам не чужой. Меня вы, разумеется, знаете. А этот человек – благочестивый и известный муж, приехавший из священного города Бухара-и-Шариф и проживающий в Оренбурге, один из людей, на которого опирается мусульманское сообщество города, известный купец, господин Амир Мирбадеев. В соседних юртах расположились наши советники, помощники и секретари! При необходимости, будут представлены и они.

Сегодня, пожалуй, ограничимся лишь знакомством. Кстати, мы привезли немало добрых вестей, о которых обязательно поведаем в своё время... Пока же скажем лишь одно: давайте сегодня отдохнём как следует, чтобы вести завтра разговор с ясной головой и хорошим настроением! – завершил Мухамеджан-хазрет.

Предводители родов, встрепенувшиеся было на слова хазрета о добрых вестях, признали его последнее предложение отложить важный разговор на завтра не лишённым смысла. И провели остаток вечера в незначительной и приятной беседе с гостями.

* * *

Сегодня Сырым-би собрал у себя всех до единого предводителей родов Младшего Жуза, подписавшего его письмо. Держать совет в присутствии посланцев из Оренбурга пришло так много влиятельных людей, что Сырым-би распорядился расширить свою восьмистворчатую с тяжёлой основой юрту, справедливо полагая, что иначе гости не поместятся. К его юрте приставили ещё две, сняв бока их решетчатых кереге. И оказалось, сделали правильно. Достойные мужи переполнили все три юрты.

На самом торе, рядом с гостями из Оренбурга усадили старших по возрасту – Шеркеш Турманбет-бия, Берш Алдар-бия, Адай Атагозы-батыра и их сверстников. Справа от них расположились представители объединения Алим во главе с такими биями, как Каракобек и Утебас из племени Торткара, Кудаш, Баиш и Сегизбай из племени Шекты, Кете Коккоз. Слева – достойные мужи объединения Жетьру во главе с Тленши-бием и Барак-батыром из племени Табын, Кадыром и Садыром из племени Тама, батырами Сагыром и Тотаем из племени Жагалбайлы, Кердери Коныс-бием. А близ себя Сырым-би посадил Ысык Каратау-бия, Берш Кара-батыра, Маскар Донена и других своих сверстников и соратников. Когда все устроились, хозяин юрты начал разговор:

– Достопочтенные мужи! Вы знаете, большое собрание начнётся завтра. На вершине, вон, того белесого холма. Весь народ соберется там... Дабы не превратить серьёзное собрание в пустые словопрения, мы сочли правильным в широком кругу нашем обсудить слова, с которыми выйдем к народу, обкатать их, провести сегодня предварительный совет.

Мы не тайком от народа собрались здесь! Нам нечего скрывать от сородичей, у нас нет тайн. Вы, достопочтенные мужи, и представляете народ наш! Это собрание – собрание всего народа, ведь никогда тысячи людей не говорят разом. От их имени всё равно будете говорить вы!

Что у вас на душе, что бы вы хотели сказать? Всем вам будет дана такая возможность! Уже сейчас начинайте обдумывать ваши речи! – посоветовал Сырымби, и почти сошедшиеся две глубокие морщины меж его бровями несколько расправились, засиял его высокий и широкий лоб. Затем он продолжил:

– Скажем откровенно, нынешний совет – совсем не похож на те, к которым мы привыкли прежде, добрые люди! Мы не будем рассматривать здесь мелкие бытовые распри – об украденном жеребёнке или уведённом верблюжонке. Масштабы вопросов, которые требуют решения, поболее и покрупнее! Они не исчерпываются интересами ни какого-либо человека, ни целого семейства, ни даже рода или племени, а имеют непосредственное отношение к судьбе всех наших сокровников – многочисленного народа, называемого казахами.

Если спросите, почему же судьба целого народа стала внушать беспокойство, ответим откровенно... Это порождено тем, что Хан ваш, который и прежде совершал насилие над народом, теперь в открытую пошёл на подлость по отношению к людям, братья мои! Что же это, как не подлость, коли хан, утверждая, что народ не слушается его, тайком просит русских прислать войска, дабы отомстить своему народу?!

Уа, разве не услышит шепота Бог, братья мои?! Услышит, разумеется! Не только Владыка наш Создатель, весь народ услышал! Разоблачённый Хан, спасая свою шкуру, сейчас откочевал на линию! Народ остался без руководителя, без управления!

Перед нами множество вопросов.

Первоочередной из них – как нам сберечь единство народа? Как управлять им теперь, после того, как Хан сбежал, спасаясь от людского гнева? Во-вторых, что сделать, чтобы наладить испорченные взаимоотношения с сопредельными народами? Как освободить наших братьев-сокровников, которые томятся в казематах крепостей вдоль Яика?

И, наконец, земельный спор, давно уже преграждающий путь нашему народу. Осень на носу. За нею явится и суровая зима. Так и войдём в неё без угодий на правом берегу Яика, принадлежащих нам по праву?

Надо решить, что сделать, чтобы народ наш жил спокойно и в достатке... Скажите же ваше слово!

С нынешнего лета, вновь прибывший в Оренбург жандарал-губернатор, то и дело присылает письма предводителям наших родов и мне тоже. Шлёт людей своих и выражает беспокойство по поводу распрей, мучающих народ наш. Некоторые его посланцы, уже однажды побывавшие у нас, сидят теперь среди вас. На торе сидит сокровник ваш, Шекты Шукирали, именно он не даст перекупщикам на Белом рынке в Оренбурге обобрать вас до нитки. Рядом с ним сын нашего пира

Абужалела-ходжи, служащий в русской конторе, Нурмуханбет. А главный имам Оренбургской мечети и ахун первой категории всего мусульманского общества Мухамеджан-хазрет посетил нас по поручению жандарала тоже во второй раз.

Скажем как на духу, мы, приученные уже хлебать горячее, вначале не очень-то поверили словам большого сановника... Однако, некоторые наши сокровники, вынужденные, в своё время, взять в руки оружие, поверили обещаниям «Открытого письма», явились к жандаралу в Оренбург и, действительно, получили милость его и прощение. Мы и сами это видели.

Братья мои, вы – самые мудрые и достойные люди этого народа, давайте решим, что выскажем на завтрашнем народном совете и жандарал-губернатору, и самой царице.

И скажу ещё: в старину, когда над народом нависали тяжкие дни, Хан собирал весь народ и проводил большой совет. И на том собрании, именуемом «Ханским советом», распутывалось множество сложных узлов. Эта традиция, идущая из глубины веков, была нарушена. Ханский совет не проводился уже ровно тридцать лет!

Наверное поэтому и ханская власть, переставшая слышать свой народ, превратилась теперь в зыбкое морево. Сам хан, спасаясь от людского гнева, унёсся прочь. А коли так, давайте же докажем, что мы едины! Назовём большое собрание, которое хотим провести завтра, «Народным советом!» «Хоть не стало трав, да осталась степь, хоть не стало беков, да народ остался!» Пусть хан убежал, но народ-то на месте! Если хотите, говорят же наши казахи: «Народ всего на год младше самого Бога!» – громовым голосом закончил свою речь Сырым-би.

– Верно, би!

– Действительно, правильное предложение!

– Чем же быть этому собранию, которое народ проводит сам и без хана, как не «Народным советом»? Так и назовём! – дружно и разноголосо поддержали предводители родов во главе с биями Ысык Каратау, Кете Коккозом.

– Поздравляем с нашим новым, созданным нами самими, народным советом, братья! – возбуждённо поддержали и сидевшие на торе старшие по возрасту и провели ладонями по лицам, благословляя это начинание.

– А коли так... что вы имеете сказать завтра?! Давайте, перейдём к этому. Слушаем вас! – группа во главе с Сырымом-би ждала предложений от остальных.

– Уа, братья! Смотрю, самым старшим тут среди вас являюсь я... А потому по праву старшинства скажу несколько слов! – воскликнул, чуть подавшись вперёд, Берш Алдар-би с белыми, как лунь, бородой и усами, и заговорил громким и сильным голосом, – Вы только что много раз говорили «совет», «Ханский совет»... Хотя вам это и покажется похожим на легенду, но среди вас прямо сейчас сидит изрядно ваших старших братьев, которые не только участвовали в том самом «Ханском совете», но и были в центре проходивших там споров и противостояний. А коли спросите, кто они, так это сидящие рядом со мной батыр Адай Атагозы, бии Шекты Сегизбай, Кете Коккоз, Шеркеш Турманбет, Ысык Каратау, а также Тленши и Есиркеп из племени Табын да и ваш покорный слуга.

В те времена, споря в Ставке, ни те, кто был постарше нас, ни мы сами, не ведали мелких расчётов и не искали собственной корысти! Что бы мы ни говорили, как бы мы ни спорили, делалось это во благо народа, улуса, во благо потомков! Люди того времени были благородны, их слово имело цену, а честь не была для

них пустым звуком... Поэтому старшие ли, младшие ли, как бы они ни спорили и ни противостояли, подчинялись верному подходу, покорялись справедливому решению!

Было время, когда даже этот подлый хан, только воссев на золотой трон, доставшийся ему от его отца – хана Абилкаира, не нарушал уклада предков и советовался с белобородыми старейшинами. Однако, когда благодаря разумным советам мудрецов его авторитет укрепился, жажда бесконечной власти помутила его разум! Нуралы-хан оттолкнул достойных мужей, которые только вчера давали ему благие поучения, распустил он «Ханский совет» и стал вытворять всё, что вздумается.

Господи, да разве самый захудалый чабан не заботится ли об отаре своей?! А он же, этот самый хан, не только забыл о благополучии народа, но и грабил его безоглядно. Тех, до кого у него дотянулись руки, вместе со своими тридцатью сыновьями обобрал, как хотел. Тех, с кем тягаться ему было сложно, обдирали тайком при помощи русских. Есть ли среди вас не дававший за переход через Яик осенью и весной по лошади и овце за каждое кочевье?! Скажите! Конечно, нет! А на тех, кто утверждал, что степные травы и воды – бесплатный дар Создателя рабам своим, и не желал платить, он натравливал русских, «мол, ещё одна шайка разбойников, не слушаясь нас, перебралась через Яик...» И так не раз подвергал он несчастных, вся-то вина которых была в переходе через Яик, преследованию казаков!

Да, ладно, пропади оно пропадом, разве всё перескажешь! И, вот, наконец, этот самый хан, совсем потерявший совесть, желающий загнать народ под свою пята, стал жупелом для своих же подданных! Видя подлость, совершённую им по отношению к подвластному народу, никто не сможет уже простить его! Да и невозможно этого простить!

Считайте, что мы, племя Берш, единодушно поддерживаем предложение снять хана с трона! Сырым-би, завтра перед всем народом я намерен сказать только это.

Чтобы узнать, как отнесутся к этим решительным словам бия племени Берш, и Сырым-би, и его соратники внимательно обвели взглядами всех присутствующих. Никто из предводителей родов не выразил ничем неприятия этих слов.

Тут же взял слово Кете Коккоз-би – один из тех, кто рука об руку с Сырымом участвовал в организации собрания:

– Вопрос ясный, Сырым-би! Большая часть сидящих здесь – люди, подписавшие письмо с требованием снять хана. Но если есть люди, которые против, пусть выскажутся... А коли нет таких, давайте, продолжим разговор.

Однако Сырым-би медлил, ему необходимо было удостовериться, что в основном взгляды всех собравшихся сходятся:

– Ну, благородные мужи! Что скажете?!

– Что решено – то решено, би! Сказанное слово – выпущенная стрела, назад не воротится! Сместим хана Нуралы! – вразнабой раздалось голоса со всех сторон.

Сырым-би, приподнявшись и расправив свои литые, широко скроенные плечи, проговорил, озирая предводителей с высоты своего роста:

– Скажем же «Добро!» на эти слова, сокровники! Низложим Хана... А что вы намерены делать потом? Как хотите управлять народом? Скажите же теперь об этом!

Собравшиеся на миг застыли, затаив дыхание. Похоже, над этим пока ещё никто не ломал голову. Первое предложение выдвинул Торткара Каракобек-би:

– Уа, братья! «Без торе – нет и народа; без холмов нет и степи!», – не так ли сказано предками нашими казаками? Хоть и уйдёт Нуралы-хан, но не сгинет ведь

род торе – род чингизидов. Давайте выдвинем ещё одного из них. Разве кому-то уступает мужеством своим и упорством глава нашего улуса Ералы? Пусть в свои руки возьмёт бразды правления народом...

Сидевший до сих пор затаив дыхание, народ тут же взорвался недовольным шумом.

Особенно сильно вырвался голос Кете Коккоз-бия...

– Каракобе-е-ек! – по пронзительному тону этого восклицания сразу стало ясно, как зол он на слова бия племени Торткара, – Не в прошлом ли году проявил ваш Ералы своё мужество, столь восхваляемое вами, би?! Люди нашего племени Кете, с трудом оплатив за обиды башкирам, пригнали с барымты изрядно скота. А торе ваш забрал этот скот, заявив, что воротит его хозяевам. Сам же просто-напросто присвоил его себе! Когда же примчались башкиры, заявил им, что скот их угнали кетейцы! С них, мол, и требуйте! Да ещё и отпустил с ними двух своих людей в качестве свидетелей.

Мы явились сюда в поисках человека, который бы пёкся о народе и защищал справедливость, а вы по принципу «Верблюду ведома только коллочка», хотите снова предложить вместо одного волчары другого из той же стаи, главу вашего улуса. Ну, уж нет! Это неприемлемо! Не поддерживаем мы вашего султана Ералы! – завершил Кете Коккоз-би, задыхаясь от гнева.

– Спокойствие, братья, спокойствие... – вмешался тут в разговор Ысык Каратауби, – Вы не учитываете одного обстоятельства, сокровники! – начал он, сразу успокаивая всех, – За те почти сорок лет, что правил Нуралы-хан, и в самом деле насилие, творимое этим семейством, превзошло все допустимые границы. Поэтому в том письме, которое все мы подписали, была высказана просьба к Императрице не только сместить Нуралы с трона, но и отстранить от власти всё, сошедшее с пути предков, сегодняшнее потомство Абилкаир-хана. По этой причине мы вовсе не можем просить назначить Ералы-султана править народом вместо его старшего брата!

К тому же сам жандарал передал нам, что, если предводители родов требуют сместить Нуралы хана и всё его семейство отстранить от власти, то необходимо предъявить веские обвинения и хану, и окружающим его чингизидам-торе. Поэтому мы подготовили и новое письмо жандаралу, где поведали обо всём их самодурстве и насилии. И в нём не пропущены и злоупотребления Ералы-султана по отношению к народу. А коли так, то как же мы, написавшие такое письмо, вдруг сами же будем просить назначить его на ханство!? Это невозможное дело, братья мои! Поэтому, давайте, искать другие пути! – завершил он, призывая задуматься обе стороны.

Все поневоле были вынуждены согласиться со справедливостью этих слов. Но все чингизиды-торе Младшего Жуза в Западной части – потомство Абилкаир-хана, происходящее от Болекей-Кояна. А судя по словам и настрою этих людей, возглавляющих собрание, их замысел – полностью отстранить от власти потомство хана Абилкаира, забывшее заветы предков, и никогда больше никого из них не подпускать к делу управления народом. Тогда кого же намерены они посадить на ханский трон, кого привести к власти?!

Именно этот вопрос сейчас томил всех предводителей родов. Человеком, который произнёс вслух этот вопрос, рвавшийся из сердец собравшихся, стал Шекты Сегизбай-би:

– Сырым-би! – воскликнул он. – Ведомо Богу, что все достойнейшие мужи Младшего Жуза подписались под мнением о необходимости сместить с трона Нуралы-хана, совершившего непростительную подлость! Все мы поддержали это. И одобрили. Ну, а коли полагаете, что насилие над народом творили не только сам Нуралы, но и всё его семейство, и потому оно полностью должно быть отстранено от власти, пусть так и будет! И это мы одобрим, поддержим тоже. Однако... кому же тогда мы намерены доверить бразды правления народом?! Кому их собираемся вручить?! Что мы должны сделать теперь, чтобы сбереечь, как Вы сами говорите, единство народа?! Ну-ка, выскажите своё мнения, чтобы и мы тоже в свою очередь могли послушать... – завершил свою речь Сегизбай-би и сдвинул на макушку свою красивую бобровую шапку.

И народ, совсем зашедший в тупик, ждал именно подобных слов. Все так и загудели:

– Да, каково же Ваше мнение?! В самом деле, скажите сначала об этом... – поддержало большинство.

– Братья! Коли вы ставите вопрос так, то начнём, – сказал Сырым-би, при этом две глубокие морщины между его нахмуренными бровями снова стали ещё глубже. Он, чуть помедлив, собираясь с мыслями, проговорил, – Мир не дал трещину после смерти Касым-хана, проложившего «осиянную дорогу», и после смерти Есим-хана, проложившего «старозаветную дорогу». Наверное, не развалится он и от того, что хан Нуралы и его семейство будут изгнаны из власти. Если посмотреть правде в глаза, то даже и сами понятия «хан» и «ханство» являются нынче просто привычными нам, как одни из традиционных признаков нашего общества. Но по сути они в наши дни совсем потеряли и своё значение, и свой исконный смысл! Мы же, однако, по-прежнему всё тянемся к ним по привычке.

Что же происходит в действительности?

А на деле, уже очень много воды утекло с тех пор, как наши ханы утратили свою власть, ведь ханством управляют русские сановники в далёком от нас Петербурге и в ближнем к нам Оренбурге. Поражаюсь тому, что всё это вы сами что ни день видите собственными глазами, однако большинство не хочет верить и обитает в несуществующем мире.

Однако истина подобна солнцу и луне, она просто есть, что бы кто ни думал по её поводу... Она не считается с нашими надеждами и грёзами. Поэтому мы должны посмотреть ей – правде – в глаза. А коли так, то не будем обманываться и скажем, как есть: был ли у нас, у Алашей, после давнего Пречистого Тауке великий хан и единое великое ханство?! Разве последующие правители, не побоявшись распада ханства, не предпочли возглавить каждый по отдельному Жузу?! Бывали даже годы, когда один Жуз возглавляли сразу два хана! Да что заглядывать в прошлое! Разве в нашем прославленном Младшем Жузе не сидят два хана у власти – в западной части Нуралы, а в южной – Каип?! И самое плохое то, что между нашими ханствами, располосованными наподобие говяжьих почек, в последние годы стали обрываться все связи, редеть общение. Если нам и нужно было чего-то опасаться, так именно этого. Но не испугались! Должны были думать об этом. Но не думали!

Сам я, братья, охваченный наплывом противоречивых размышлений и сомнений, проведя не одну ночь без сна, упёрся мыслью лишь в два вывода. Первый таков. Коли мы полностью отстроим от власти потомков покойного хана Абил-

каира, который, в своё время, советуясь с предводителями родов, восемнадцать лет достойно правил народом, то, думается мне, призвать на ханство мы должны Каипа.

Вы знаете сами, он до сих пор сохраняет свою власть, не оборвав ни одного звена, является потомком могущественных, несгибаемых и именитых предков! Когда бы Каип стал ханом, это бы означало, что разделённый сейчас надвое Младший Жуз, прославленный своими копьями, стал бы снова единым, окрепл бы основа народа нашего, занимающего столь обширные земли, укрепились бы его цельность. К тому же, полагаю, Каип, пользуясь своим коренным родством с ханами Среднего Жуза, ещё более укрепил бы отношения двух Жузов. Мною двигала и надежда на то, быстро утихомирить семейство Нуралы, вздумай оно бунтовать против нашего решения, способен только Каип.

Однако... Видя, что понятия «хан» и «ханство» потеряли своё прежнее значение, имею большое сомнение в том, что Каип, привыкший жить в роскоши среди оседлых сартов, в прохладном и удобном каменном дворце, явится в наши степные просторы и станет нам ханом, подобным нашему золотому столпу, то есть вбитому в землю колу!

Но всё же если вы, сидящие здесь, единодушно поддержите кандидатуру Каипа, я не буду возражать!

Это – одно! Но другая мысль не даёт мне покоя. Неужто казахи, как поклади-стые верблюды, которым лишь продень в ноздри кольцо и веди, куда хочешь?! Неужели нет среди нас никого, кто бы возглавил народ, кроме этих считанных торе-чингизидов?! Разве торе, превознесённый только из-за того, что он является «белой костью», лучше простолюдина, превознесённого за ум? В старину, бывало, полагали, что простые смертные, даже объединившись, не станут господами, как песчинки, собравшись, – камнем не станут. Ныне же говорят, что и простые смертные, если удастся им достичь согласия, с Божьей помощью могут быть и господами, как песчинки могут стать камнем, если скрепит их мокрая глина. В этом – стремление простого казахского народа взять бразды правления в свои руки, признак того, что он созрел до этого! Если взгляните, увидите, что миновали те времена, когда мог править отдельный человек – Хан. Поймете, что ханская эпоха завершилась безвозвратно, братья мои!

Среди наших казахских ханов после Жанибека звание «Пречистый» заслужил, оказывается, только Тауке-хан. Почему так получилось?! Потому что Пречистый Тауке, действительно, был выдающимся ханом. Выдающимся потому, что сумел предчувствовать перемены времени! Хотя окружало его торе-чингизидов гораздо больше, нежели теперь, он не отдал бразды правления в руки своих сродственников, поделили власть между самыми крупными и влиятельными биями каждого Жуза. Передал бразды правления Старшим Жузом Уйсуню Толе, Средним Жузом – Каракесек Гусиноголосому Казбеку, Младшим Жузом – Алшин Айтеке. Они и очистили небо над головой казахов, когда затянули его мрачные тучи!

И в нашу пору, когда настали тяжёлые времена, я бы предложил отдать бразды правления биям, вышедшим из народной казахской среды. Шесть племён Алимудлы, двенадцать племён Байудлы, названный старший брат всех их – семь племён Жетьру! В каждом из них есть необычайно мудрые, красноречивые и влиятельные люди. Выдвиньте завтра на Большом собрании их руководить народом! Пусть они возглавят народ! – вот что хотел предложить я.

Хоть признаём мы это, хоть нет, но сегодня кочевники упёрлись лбами в каменные крепости, братья! И пока есть холодные очи, которые следят за нами из-за этих стен. Порой я думаю, что именно от страха противостоять этому жесткому, холодному взгляду и скатился Нуралы-хан до своего нынешнего жалкого состояния...

Но если во главе трёх больших объединений казахов станут трое самых уважаемых и влиятельных людей, то они сумеют, не робея перед стужей самых жёстких глаз, сказать нужные слова. Я верю в это безоговорочно!

Вот и всё, что я хотел сказать, братья мои...

Предки наши утверждали, что, если скроишь шубу, советуясь, то выйдет она не куца! А значит, посоветуйтесь меж собой до завтрашнего дня, договоритесь! Даже если Каип согласится стать нашим ханом, всё равно править он должен, сообразуясь со мнением трёх избранных нами достойнейших биев. А если он не согласится стать ханом, то все решения «Народного совета» будут утверждаться только при непосредственном участии и единстве взглядов всех трёх биев. Поэтому прошу вас отнестись к делу выбора этих мужей с чувством самой большой ответственности, братья мои!

И да благословит нас Бог!

На сегодня завершим наш разговор, – раскрасневшийся от долгой и эмоциональной речи Сырым-би остановил вдруг обсуждение.

– Да... подумаем... – согласились с ним предводители родов и разошлись задумчивые по своим юртам. Воротившись в свои родовые общества, каждый собрал уважаемых и влиятельных людей и судили да рядили вместе. Таким образом, советы, посвящённые кандидатурам биев от трёх племенных объединений, которым вручат бразды правления народом, прошли в этот день в трёх местах, и все три длились невероятно долго. Красноречивые бии спорили допоздна, но после всех разногласий предводители родов пришли к общему решению и выбрали, наконец, трёх человек, которых выдвинут завтра на Большом собрании представлять три племенных объединения...

В эту пору и в юрте Байбахты Сырыма проходил отдельный разговор. По просьбе Мухамеджана-хазрета, уже прежде побывавшего здесь, некоторых соратников Сырыма попросили задержаться для беседы. Ысык Каратау-би, Кете Коккоз-би, Берши Кара-батыр и Алдар-би, Есентемир Сасыкбай-батыр, Таз Кулжабай-би, Табыны Гленши-би и Барак-батыр, братья Қадыр и Садыр – батыры племён Тама, Адай Атагозы-батыр, Кудаш-би и Сегизбай-би из племени Шекты, Қаракобек-би и Утебас-би из племени Торткара, Шеркеш Турманбет-би, Маскар Донен-батыр, Алаша Утеули-би, Кызылкурт Жанбай-батыр, Кердери Коныс-би остались в восьмистворчатой юрте послушать гостей из Оренбурга.

Когда утихла суета, глава молчавших пока что оренбургских посланцев, господин Мендияр, начал осторожный разговор:

– Достопочтенный Сырым-батыр! Уважаемые предводители родов! После сегодняшнего совета, возникла необходимость отдельно посоветоваться нам с вами... Буду говорить открыто: господин генерал-губернатор Игельстром поручил нам по возможности постараться найти пути примирения народа с ханом...

В этот момент предводители родов поняли, что господин Мендияр Бекчурин человек отнюдь непростой, но довольно опасный и умный противник, и настояжились, внимая его словам.

– Однако... мы заметили, что примирение народа с ханом, кажется, уже невозможно. Мы не хотим бить ножом по цельной кости... Но всё же не забывайте, что вопрос смещения или несмещения хана решается не здесь... И даже не в Оренбурге, а кое-где ещё подальше! Однако я не думаю, чтобы хан Нуралы, который сам сбежал на нижнюю Яицкую линию, сможет воротиться.

Но вот утвердит ли находящегося на южной стороне Каипа Её Величество матушка наша Государыня?! Это тоже вопрос сомнительный! Поэтому ваше предложение, пусть даже временно, избрать трёх биев от трёх племенных объединений Младшей Орды киргиз-кайсаков и дать им руководить народом, показалась нам самым дельным.

Ещё вопрос, который требует внимания, это отношения казахов с сопредельными народами. Как вы намерены урегулировать их, если, сами говорите, сорок раз на дню устраиваете перестрелки и схватки с соседями, казаками и башкирами? Будете продолжать ваши вечные споры или найдёте окончательное решение?

По-моему, общий язык с нашими башкирами найти можно. Но вот с русскими, у которых абсолютно иные и вера, и уклад, и традиции, и понятия, вы вряд ли найдёте общий язык, господа! До недавнего времени и наши башкиры были строптивцами, но всё же «Положение об управлении губерниями» Её Величества государыни Екатерины Второй, изданное десять лет назад, утвердилось и у нас.

Я – сын ваших братьев, башкирского народа. К тому же – человек закона, судья второй нижней расправы в Уфе. Поэтому именно меня его высокопревосходительство господин генерал-губернатор Игельстром направил к вам, чтобы донести главную свою мысль. Дабы урегулировать взаимоотношения двух народов, он предложил учредить в Оренбурге общий для обеих сторон Пограничный суд. Как вы отнесётесь к этому?

Не спешите с выводами! Конечно, во главе столь статусного органа должно стоять какое-либо высокое должностное лицо. Например, председателем Пограничного Суда может стать начальник Экспедиции по пограничным делам и обер-комендант Оренбурга генерал-майор Яков Михайлович Зенбулатов.

Однако, с другой стороны, по нынешнему проекту барона Игельстрома состав Пограничного Суда будет состоять из двенадцати человек, и ровно половину состава его должны представлять казахи! Например, если в составе этого суда будут двое русских, двое татар, из Сеитского посада, один человек от башкир, один от мешеряков, то казахов – шестеро! Они и будут защищать ваши интересы!

Как бы то ни было, разве нет здесь определённой справедливости?! По-моему, есть! Полагаю, к этому предложению его высокопревосходительства генерал-губернатора непременно следует прислушаться! Было бы правильно дать ответ по этому поводу на вашем съезде, братья мои! – завершил своё обращение Мендияр Бекчурин и пытливо обвёл взглядом всех сидевших в юрте.

– Уважаемый, господин Мендияр! Дорогие гости! Я уже говорил в начале собрания, что у нас нет тайн от народа, – вступил в разговор Сырым-би, – Повторю ещё раз, мы не держим ничего за пазухой... Мы считаем главным долгом предводителей родов следовать всецело воле народа! Поэтому и этот вопрос надо вынести на обсуждение народа. Как он скажет, так и будет...

– Сырым би! Уважаемые предводители родов! – воскликнул господин Мендияр, и все заметили, что он занервничал. Голос его звучал уже не так уверенно, как

прежде, – Не кажется ли вам, что решать этот вопрос лучше здесь, без всенародного обсуждения? Большинство – есть большинство: если простой народ чего-то не поймёт, то урегулировать проблему будет затруднительно!

– Мы из тех, кто стремится пережить все трудности вместе с людьми и опираемся лишь на большинство, господин Мендияр! Поэтому и этот вопрос решит лишь большинство – «Народный совет»! – сурово отрезал Сырым-би.

Особо ненавидел Сырым-би такие подковёрные игры, перешёптывания, суету украдкой. И вот теперь, когда ему недвусмысленно предложили пойти на столь неблагоприятное соглашение, он разгневался. При мысли о том, что кто-то сможет после заявить, что и он, Сырым-би, пошёл на тайный сговор, ярость и стыд переполнили его, и би лишь с огромным трудом сдержал себя.

* * *

Как только пронеслась весть, что все предводители и аксакалы киргиз-кайсацких родов примут участие в Большом собрании, обитатели нескольких убогих юрт, поставленных с глаз долой, на другом берегу реки, едва дождались утра. Они, бедняги, уже более четырёх месяцев вынуждены были жить в чужом краю, в полной зависимости от чуждых им людей. Пленники, захваченные в многочисленных схватках последнего времени, они все надежды на лучшее теперь возлагали только на завтрашнее собрание, гадая, как-то решатся их судьбы.

До недавних дней надежд на освобождение у них почти не было. Но, видно, Бог о них вспомнил. Когда среди пленников прошелестел вдруг слух, что новый генерал-губернатор нашёл общий язык с киргиз-кайсаками и скоро состоится обмен пленными, они не сразу поверили. Но затем этот слух становился всё настойчивее, и, наконец, киргиз-кайсаки собрали всех пленных по аулам вместе. И, вот, привезённые на эту равнину со всех сторон казаки оказались как раз там, где будет проводиться Большое собрание...

Когда они встретились друг с другом в этих нескольких убогих юртах и осмотрелись, оказалось, что все они – казаки из Таналыкской крепости. Среди них попался и прежний их начальник, комендант крепости майор Рейштейнер. Хотя рана в ногу, полученная им на войне с турками, всё ещё не заживала, он сохранял присутствие духа. Остальные, видя это, тоже, слава Богу, приободрились.

Там же находился и Овчинников – атаман соседней с Таналыком Красноуфимской станицы, в своё время пришедший к ним на помощь. Атаман был прежде человеком полным, сейчас же подтянулся и стал поджарым, как скаковая лошадь. При виде его земляки ещё более воспряли духом.

Время, что они провели в плену, выпало на шесть летних месяцев. Молочных продуктов было вдоволь, об эту пору даже собакам перепадала простокваша... Наверное, поэтому казаки, несмотря на несвободное своё положение, не выглядели ни измождёнными, ни замученными. Однако плен есть плен, и на лицах их явно запечатлелись следы печали и робкой тоски.

– Боже, скорее бы началось и завершилось это собрание киргиз-кайсаков! Помогите нам, Господи! Дай нам скорее свидеться с родными! – всю ночь молились несчастные и встали утром с покрасневшими глазами и обострившимися скулами, словно люди, перенёсшие нелёгкую хворь.

Когда к полудню посышался вдруг чей-то крик, призывающий казахов идти на совет, сердца их заколотились, и, выбежав из своих убогих юрт, они устремили

взгляды в сторону возвышающегося холма. И увидели, что из множества юрт, уставленных на просторной равнине на другом берегу узенькой речушки, на вершину холма потянулись подобно сайгачьему стаду тысячи пеших и конных.

– Отче наш, иже еси на небесе! Да святится имя Твоё, да придет Царствие Твоё, да будет воля Твоя, яко на небеси та и на земли... Избави нас от лукавого! – пленные казаки опустили на колени и стали читать христианскую молитву «Отче наш...».

* * *

Обширный холм, где сегодня, двадцать первого сентября 1785 года змеи, собрались предводители родов всего Младшего Жуза, был довольно пологим. Обычно в этих местах во второй половине сентября студёное дыхание осени уже ощущалось отчётливо. Поэтому предводители родов, расположившиеся на вершине холма каждый в соответствии со своим положением и заслугами перед народом, были одеты в округлые шапки и лёгкие хорьковые шубы, подшитые дорогими тканями. Они уселись на расстеленные разноцветные ковры и чистые войлочные текеметы и сырмаки, украшенные богатыми орнаментами, и их тут же окружило множество народу, прибывшего со всех концов степи для участия в Большом собрании. Людей было так много, что только что белевший широкий холм стал вовсе не виден от обилия людей, усыпавших его с вершины до подножия.

Когда народ собрался, оборотившись затылками в сторону опустевших юрт на равнине внизу, а лицами – в сторону мудрых биев на вершине холма, Сырым-би призвал всех к вниманию:

– Уа, народ наш! Братья мои! В пору всенародных больших собраний блаженной памяти сказитель Казтуган – жырау, говорят, начинал свои речи так: «Арайна⁵, бии, арайна! Как не сказать мне: «Арайна!» Нет смысла слов без Арайна. Да благословят нас времена!» Вот и мы, дабы любое наше дело поддержал Аллах, начнём сегодняшнее слово с именем Аллаха на устах! Среди вас сидит ахун первой категории всего Оренбургского края Мухамеджан-хазрет. Он предлагает прочесть молитву, прося у Создателя Владыки покоя земле нашей, изобилия и счастья народу нашему, каждому из нас благополучия и здоровья. Да примет наши мольбы Аллах! Прислушаемся на миг!

И тут же хазрет мощным и красивым голосом начал:

– Агуузу билляяхи мина шайтани р-ражиим, бисмилляяхи р-рахмаани р-рахиим! – и народ застыл в молчании, слушая молитву.

Молитва заняла не больше времени, чем требуется, чтобы подоить кобылицу, и в конце имам, прочитав ещё одну суру, уже привычно завершил молитву пожеланиями здоровья Её Величеству Государыне и её семейству, затем счастливой и благочестивой жизни всем подданным, проживающим под властью Императрицы. В завершении все молящиеся, кто поняв слова имама, а кто-то и не очень, разом проговорили, проведя ладонями по лицам:

– Аминь!

И показалось, что не тысячи людей, а сама беспредельная степь выдохнула это слово.

В центре собрания, на почётном месте, расположились гости из Оренбурга и Сырым-би с соратниками – самыми влиятельными людьми, вроде Ысык Каратау

⁵ Арайна – обращение, призыв к вниманию.

и Кете Коккоза. Место, куда они сели, было на виду у всего остального люда и представляло собой некую террасу на вершине холма. Поэтому даже когда они сидели, скрестив ноги, их фигуры и лица были видны всем.

Как только молитва завершилась Сырым-би, подобный могучему верблюду-вожаку, идущему во главе кочевья, вновь обратился к народу:

– Братья мои! Продолжим слова, начатые именем Аллаха, теперь нашими добрыми помыслами... Говорят, «коли выпадет лихо коню, будет воду он пить в удилах, коли выпадет лихо жигиту, он пойдёт по воде в сапогах». Не однажды в тяжёлые времена предки наши, казахи, собирались вместе и держали совет. Так преодолевали они трудные перевалы. По этому укладу, оставленному предками, и мы вынуждены сегодня собраться вместе!

Но почему же «вынуждены»?!

Потому что хан наш, который около сорока лет правил народом, опираясь не на него, а на чужаков, наконец, так запутался, что почёл за лучшее сбежать. Всё время он послушно исполнял чужую волю. «Дай заложников-аманатов!», – говорили чиновники, и он давал аманатов. И не только своих сыновей, но и сыновей главнейших мужей народа нашего.

Повелели защищать торговые караваны, идущие из Оренбурга в Хиву и Бухару, он и защищал, попутно принуждая и нас к этому делу!

Сказали, вернуть пленников и скот, добытый в справедливых схватках с притеснителями нашими, хан и тут не возражал!

Может, и хотел бы заявить, что он тоже – глава целого народа и не обязан подчиняться, да столько уже раз проглатывал обиды и выполнял несправедные приказы, что никакие его слова никто всерьёз не принимает. Так и не сумел!

Пятнадцать лет назад через нас прошло великое переселение калмыков во главе с Убаши. Почему мы их пропустили?! Надеялись, что теперь нам можно будет выбраться на освободившийся правый берег Яика. Смог ли хан оправдать эту надежду?! Нет! Теперь и с левого берега, не говоря уже о правом, гонят нас потерявшие совесть казаки!

Как же нам быть, братья!?

Хотим собраться да посоветоваться, а «Ханский совет» давно распущен. Нуралы-хан сумел оттолкнуть от себя всех влиятельных людей, желая единолично править народом! Но любому дереву для жизни необходима почва. Так и ханство, оторванное от народа, иссохнет и погибнет!

Аксакалы и достойные мужи не раз уговаривали Нуралы не отдаляться от народа, не кочевать лишь вдоль линии... «Коли народ велит – хан своего верблюда пустит на убой», – говорят у нас. Но только не Нуралы... Он как-будто прилип к этой линии! И вот, наконец, дожился! – откочевал под город Князь на нижней Яицкой линии, спрятался у чужаков подмышкой.

Что же мы скажем теперь!? – Сырым-би сурово и мрачно огляделся вокруг.

И зашумел народ:

– Что же тут говорить-то... Только – «хан талапай» – разорить хана!

– Надо сделать ему «Хан талапай»!

И тут же всю окрестность, подобно могучей волне, с рёвом ударяющейся об одинокую, прибрежную скалу, заполнил великий клич: «Хан та-ла-пай!!! Хан талапай!!!» – «Разор хану!!! Разор хану!!!».

Когда этот могучий рёв затих, слово взял Берш Алдар-би с белыми, как лунь, бородой и усами:

– Отрекись от хана, который не нашёл языка с подданными своими! Отрекись от бека, который не преклонился перед волей народа своего! – сказано. Сместить Нуралы-хана!

– Сместить!

– Гнать его с золотого трона!

– Изгнать этого хана из нашей среды! – опять зашумел весь собравшийся люд.

– Уа, уважаемый народ! Достопочтенный народ! – Сырым-би, подняв вверх правую руку, призвал людей к спокойствию. Народ, всколыхнувшийся, подобно морю, успокоился с трудом, тишина установилась не сразу.

– Ну, достопочтенные мужи! – воскликнул Сырым-би, поднимая руку, – Пусть будет, как вы сказали! Хан уйдёт с трона... Ладно! И как же будем тогда руководить нашей жизнью? Кому отдадим бразды правления? Скажите об этом, достойные бии! Пусть услышит народ!...

Я своё мнение высказал вчера открыто. По мне, так и «хан», и «ханская власть» изжили себя... Их время прошло, их смысл сошёл на нет! Надо решить одно: отстраним семейство Нуралы навсегда от власти и пригласим Каипа? Или поручим управлять нами трём лучшим людям, избранным от трёх племенных объединений Младшего Жуза? Решайте всем миром!

А я скажу лишь одно: не надо торе превозносить лишь за то, что он де белая косточка! Но и попрекать его этим не нужно! Как не стоит приближать к себе простолюдина лишь за то, что он свой!

Какому торе-чингизиду уступал наш предок Алшин Жалантос, который правил Самаркандом сорок лет?! Его путь никому не даст пренебрежительно высказаться о простом казахе...

Поэтому, если говорить откровенно, то я склоняюсь к тому, чтобы тремя племенными объединениями нашими правили три мудрых и авторитетных бия, братья мои!

Но всё же, к какому выводу пришли вы сами, советуясь и день, и ночь?! Послушаем теперь вас... – завершил Сырым-би свою речь.

Первым, возможно, решив смягчить неприятное впечатление, которое вчера произвело на сокровников его предложение выдвинуть Ералы-султана, попросил слова, подняв вдвое сложенную камчу Торткара Каракобек-би.

–Уважаемое общество! Достопочтенные мужи! Когда вчера мы, сыновья Алима, рядили и судили промеж собой, то предложение бия Сырыма становилось всё более нам по душе. Мы согласны поручить управление Младшим Жузом представителям трёх объединений. А от себя считаем правильным выдвинуть благословенного предками бия племени Шекты – Сегизбая!

Не буду скрывать, почитая память предков наших – Жалантоса-бахадур и Айтеке-би, и меня уговаривали принять управление... Спасибо за доверие, дорогие сокровники! Однако, народ – свидетель, я отказался.

Почему? Потому, коли не получится справиться с обязанностями, что взвалим на себя, то не к лицу нам будет при нашей-то белой уже бороде краснеть потом перед народом... Каждый обязан рассчитывать свои силы. По этой причине я и отказался. Считаю правильным сказать об этом и перед вами, и в присутствии брата моего Сегизбая своими устами и безо всякой зависти! – проговорил Каракобек и, покачнувшись слегка, сел.

– Добро... А что же скажет наш названный старший брат – объединение Жетыру?! – спросил Сырым-би, оборотившись тут же к сидевшим слева достойным мужам Жетыру.

– Сырым би! Мы несколько огорчены и смущены тем, что на это собрание от нас прибыли только племена Тама, Табын, Жагалбайлы и Кердери. А остальных трёх здесь, к сожалению, нет. Вы знаете сами, что племена Рамадан и Телеу – испокон малочисленны, как птенцы лебедей. К тому же разбросаны по самым далёким уголкам. А что касается племени Керейт, хотя их, вроде, и немало, да обитают они слишком далеко: в самом дальнем краю земель Младшего Жуза. Поэтому и не добрались...

И всё же, племена Жетыру вместе с вами пробуют в жизни и горькое, и сладкое, у нас одна с вами вершина, коли доведётся пойти в гору, и одна могила, коли случится умереть... Единая у нас судьба! А потому, коли вы готовы отдать власть над народом трём лучшим представителям, то и мы готовы. Мы выбрали человека, дед которого знаменитый Кара-батыр, отец – метавший стрелы, будто град, безудержно сражавшийся с жунгарами батыр Бокенбай. Это господин Жиембет Табын Тленши... – проговорил Тама Кадыр-батыр, выпрямив торс и чуть откинувшись назад.

И все достойные мужи Жетыру единодушно подтвердили, что поддерживают это предложение.

Возможно, доброе согласие, царившее среди достойнейших мужей народа, как бальзам подействовало и на главу собрания – Сырыма, которого, похоже, начала покидать тревога:

– Апырай, говорят же: «Свет от лампы не падает на её основание»!.. Бразды собрания в моих руках, а я до сих пор не предоставил слова нашему объединению Байулы. Не так ли поступают некоторые девушки, что, удачно выйдя замуж, перестают узнавать свою родню?! – улыбнулся би. – Ну, ладно! Ну-ка, достойные мужи Байулы! Кого избрали вы? Слово за вами!

– Сырым, свет ты наш! Говорят же: «Свой родной от тебя не уйдёт, хоть ты оттолкни его в грудь»! Так, видимо, ты и подумал. Ничего страшного! Да и можно ли, возглавляя собрание, дать первое слово своим же?! Наоборот, ты поступил верно! – начал свою речь человек с крупными чертами лица и могучей грудью – Берш Кара-батыр. Приподняв подбородок, он по привычке направил острие аккуратно подстриженной бороды в сторону собравшихся. («Почему он так делает?!», – подумал сидящий рядом с ним Алдар-би с белыми, как лунь, бородой и усами, который всю жизнь задавался этой загадкой).

– Уа, сокровники! – продолжал тем временем Кара-батыр, – У каждого из двенадцати племён нашего Байулы есть большие достоинства. Однако же... Все вы признаёте, что племени Шеркеш в объединении Байулы досталось старшинство! Об этом говорилось и на ночном совете, где собрались все представители Байулы. И, наконец, после долгих обсуждений мы пришли к согласию. Пусть главным бием нашим будет Шеркеш! А из шеркешей, нынешний старший би племени Шеркеш – Турманбет пусть станет главным бием всего Байулы!

Разумеется, мы слыхали, что среди байулинцев отвагу унаследовали, мол, только Берши. Братья! Мужество, конечно, это хорошо... И слава Богу, казахи не испытывают сейчас недостатка в батырах! Все, кто, жертвуя жизнью, мчитя на врага, теперь – батыры! А чего сейчас не достаёт казахам?! Не достаёт му-

дрых старших, которые бы поучали нас, братья! Не достаёт человека, который бы объединил народ, призвал к согласию, сжал всех в один кулак и направил к единой цели! Таким человеком станет Турманбет, прадед которого Турке-би, дед которого Жомарт-би, отец которого Мусылман-би, и сам он – всегда пеклись лишь о своём народе! Поэтому мы и решили, пусть главным бием Байулы будет Турманбет! – сказав это, Берш Кара-батыр снова вздёрнул подбородок, и всем почудилось, что заострённый кончик его аккуратно подстриженной бороды даже чуток загнулся кверху. Однако сейчас это никому не показалось несуразным.

Наоборот, старейшины, вроде биев Ысык Бердалы, Жаппас Дадырыса, Тана Косдаулета, радостно закивали, явно одобряя слова Кара-батыра. А старый батыр племени Адай Атагозы сказал:

– Уа, народ, братья мои! Турманбет, которого не сумели опьянить длящиеся уже четыре поколения достаток, счастье и власть, теперь уже, наверное, не испортится! Отдадим бразды правления объединения Байулы Турманбету!

После этих слов Турманбета поддержали все байулинцы во главе с самим бием Сырымом.

И тут же вся тьма-тьмущая народу зашумела и долго-долго не могла успокоиться...

Итак!

Был отстранён от власти совершивший предательство по отношению к собственному народу один из потомков великой династии, «сотворённой из божественных лучей», – Хан Нуралы. Киргиз-кайсаки, впервые за тридцать лет собравшие Большое собрание, отдали бразды правления трём лучшим людям из своей среды: Шекты Сегизбай-бию из объединения Алимуды, Шеркеш Турманбет-бию из объединения Байулы, Табын Тленши-бию из объединения Жетыру.

Сырым-би пригласил к террасе на вершине холма всех трёх биев и усадил их рядом с оренбургскими гостями:

– Ну, особо уважаемые старшие братья мои! Хотя и казалось, что народом правит хан, но на самом деле всегда сила продолжала оставаться в руках народа! Не нами сказано: «Коли разгневается народ, хан не удержится на троне». Предки наши так сказали! Вы и сейчас убедились, что так оно и есть. Хан Нуралы отстранён от власти! Теперь он не сможет воротиться к жизни здесь. Поэтому, ни перед кем и ни перед чем не робея, возьмите каждый в руки бразды правления, врученные вам народом! Защищайте его и поддерживайте! Будьте его головой и глазами! Дальнейшие судьбы потомков трёх ваших предков, трёх ветвей Младшего Жуза – с этого дня отданы вам! – сказав это, Сырым-би чуть помолчал.

И тут:

– Дат, Сырым би! – воскликнул с только что занятого им места Шеркеш Турманбет-би, подняв сложенную вдвое камчу над своей головой, тем самым давая понять, что просит слова, – Уа, народ! Достопочтенные братья! Именно сейчас хочу добавить кое-что... – молвил, Турманбет-би и обвёл взглядом всех вокруг себя, – В первую очередь, огромное всем спасибо за доверие, за то, что избрали нас главными биями Младшего Жуза!

А во-вторых, помимо трёх глав Младшего Жуза, должно быть ещё одно звено, которое объединяло бы три ветви Алаша, именуемые Алимуды, Байулы и Жетыру. Человек, который бы организовывал общие внутренние интересы их,

направлял бы внешние отношения с сопредельными народами, был бы наделён большими полномочиями, нежели мы, три главных бия, братья мои! Следует, чтобы тот, кто займёт это место, не только сегодня, но и в дальнейшем заботился о судьбе народа. Если «Народный совет» будет созываться хотя бы раз в год, то у него должен быть один руководитель – назовём его «Верховным бием» или «председателем»! В своё время, не говоря уж о нас, был спрос и с трёх великих биев, управляющих тремя жузами, – Уйсуня Толе, Каракесека Гусиноголосого Казбека, Алшина Айтеке. Над ними сидел великий хан, Пречистый Тауке! Мы же не святее тех трёх биев!

Поэтому считаю здесь и сейчас следует избрать Главного бия «Народного совета», который будет непосредственно принимать участие в решении нашей дальнейшей судьбы.

А чтобы не повесить на него одного ответственность за все правильные и неправильные дела Младшего Жуза, не будет лишним избрать ещё при Главном бие двух биев-советников.

Мы – три главных бия племенных объединений – будем узнавать у аксакалов и биев отдельных родов об обстоятельствах, относящихся к существованию народному. Главный би «Народного совета» и его советники будут спрашивать с нас о положении дел трёх объединений племён, поручать нам устранять недостатки и требовать от нас справедливо решать споры и прочие вопросы. Будет ли Главный би самолично управлять внешними отношениями с сопредельными народами или... будет регулировать их посредством жандарал-губернатора – сам решит!

Разве не так можно бы было организовать управление народом в стройную систему?! Что скажете?! – спросил Главный би двенадцатиплеменного Байулы всех собравшихся.

Народ безмолствовал, ожидая, что скажут сидящие в центре старейшины, бии и батыры.

– Ладно! «Чья кошма – того и воля», говорят. Предложение это Ваше, Туреке! Вам и слово! – молвил тогда Есентемир Сасыкбай-батыр.

– А что ж?! Я и скажу... Тот человек достоин стать Главным бием «Народного совета», который всё лето не ведал ни сна, ни покоя, стремясь найти для народа верный путь, пригласил нас на нынешний «Народный совет», проторив дорогу к светлому завтрашнему дню! Разве можем мы оставить незамеченным самоотверженный труд этого достойного мужа?! Нет, братья мои!

Выходить в открытом поле на врага – это вам не на почётное место пройти в гостях! Для этого нужно отважное сердце! Возможно, придётся и голову свою на кон поставить! И решился на такое дело Байбахты Сырым-батыр... Ваш Сырым-би! Поэтому предлагаю избрать Байбахты Сырым-бия Верховным бием «Народного совета»! А стать советниками Верховного бия полагаю вполне достойными его соратников, являющихся его правой и левой рукой, – Ысык Каратау-бия и Кете Коккоз-бия.

Что думаете об этом, достойные мужи?! – твёрдо и требовательно, словно вбивая гвоздь, спросил Шеркеш Турманбет-би.

– Прямо в точку, Турманбет би!

– Разве есть справедливость более этого!

– Поддерживаем! Поддерживаем и одобряем! – зашумели все и разом захопали в ладоши...

– Ну, Сырым-би! Видишь сам... Народ полностью поддерживает это предложение! А коли так, то берите снова поводья в свои руки и продолжайте вести собрание! – сказал Шеркеш Турманбет-би и на этот раз уселся на место плотнее.

– Уа, народ! Уважаемые сокровники наши, братья! Коли выбираете нас, пусть будет так... Мы готовы пожертвовать жизнями, дабы исполнить любое ваше поручение! – на едином дыхании промолвил Сырым-би. И мгновение помедлив, обрёл свой всегдашний авторитетный тон:

– Теперь... обратимся к иным делам, ожидающим решения! Только что я сказал, что всегда сила принадлежала народу. И в самом деле, решение самых запутанных узлов всегда лежало на плечах народа. Поэтому и последнее слово всегда будет за вами, братья! Так должно быть и сегодня!

Глава посланников, прибывших сюда по специальному поручению жандарал-губернатора, господин Мендияр Бекчурин вчера на отдельном совете, где собрались предводители родов, изложил предложение жандарала учредить Пограничный Суд, который будет регулировать взаимоотношения с сопредельными народами – и с казаками, и с башкирами. Судебный орган, общий для народов по обе стороны линии. Господин Бекчурин усердно доказывал нам, что от этого казахи только выиграют. Говорил, что из двенадцати членов суда половина – шестеро! – будут казахи, что наши интересы будут надёжно защищаться ими в суде. Он не стал скрывать и своего желания получить на это согласие совета биев.

Вот, он сам сидит здесь... Мы не ответили ему согласием, потому что такой вопрос должен решать народ! Что скажет большинство, то и будет! Итак, выносим обсуждение этого дела на ваш суд. Что вы скажете?

– Что ещё за Общий Суд?!

– И что же мы там – будем спорить с русскими? – заворчали недоверчивые Таз Кулжабай-би и Табын Есиркеп-би.

– А если не сговоримся, кто будет третьей судьей?

– А что, если наш казахский обычай решать все споры в живой беседе не придётся по душе русским, привыкшим обмениваться письмами да бумажками?

– Уважаемые оренбургские гости! А что, если мы, действительно, пока отложим этот вопрос? Пусть жандарал даст нам возможность подумать! Подобный разговор затевался и в прошлом году при жандарале Апухтине, но кончился ничем. Так, давайте, и мы подумаем! Мы сейчас не готовы ни принять это предложение, ни отказаться от него. К тому же, необходимо обсудить его всенародно, назвать поимённо каждого из шестерых членов Суда и передать ответ в письменном виде господину жандаралу. А где у нас время на это? Осень уже наступила... Настало время народу двинуться на зимовья. Некоторым, чтобы достичь намеченных мест, ещё нужны месяцы! Есть же ещё и впереди жизнь... Всё по порядку... На следующий год дадим наш окончательный ответ. Если жандарал, действительно, горит желанием сделать доброе дело для нас, то пусть в первую очередь решит наши споры с казаками по поводу зимних угодий в затишьях вдоль Яика! – высказал тут общее мнение Тленши-би.

На этот раз господин Мендияр ответил абсолютно спокойно и ровно:

– Уважаемые предводители родов! Достопочтенные аксакалы! По моему разумению, у господина генерал-поручика барона Игельстрома нет иных намерений, кроме желанья работать, находя с вами общий язык. Потому как... – коллежский ассессор Мендияр Бекчурин чуть задумался, словно вспоминая нужные слова, и продолжил:

– Потому как, он передал через меня, что если возникнет много спорных вопросов, пусть предводители родов, как только завершится их съезд, пошлют в Оренбург нескольких избранных ими известных людей, дабы те могли поговорить с ним...

Но, в свою очередь, генерал-губернатор требует от вас немедленно прекратить набеги, навсегда перестать угонять скот и уводить людей! Даже поручил нам взять с вас клятвенное обещание больше не безобразничать.

Разумеется, человек, который требует честности от другого, в первую голову, сам должен быть честным! Потому господин барон Игельстром в качестве свидетельства искренности своих слов, сам показывает пример допрежь вас. Это копии приказа, уже отправленного в соответствующие инстанции. Приказа об освобождении многих ваших сородичей, томящихся в укреплениях вдоль Яика, в Уральских и Оренбургских тюрьмах. Вот, поглядите! Смотрите!.. – сказал господин Мендияр и поднял над головой несколько листочков бумаги, которые уже давно достал из своей кожаной сумки и положил подле себя.

– Это имена шестидесяти шести человек, схваченных и увезённых отрядом Смирнова. А это – список из ста двух имён тех, кого из Нижнеяицкой линии увёл отряд Колпакова и Пономарёва, а также тех, кого схватил под Сахарным отряд Назарова. Здесь указаны имена и места, где они содержатся... Вот, смотрите сами! Можете уже завтра ехать и вывозить ваших людей!

Люди, истомленные печалью по находящимся в тюрьмах родственникам, были сильно взволнованы, ибо не ожидали столь радостного известия:

– Что он говорит? Апырау, неужто это правда!? Ну-ка, дайте посмотреть на его бумаги! – зашумели все, подались вперёд, стали передавать друг другу списки. У многих, чем больше они вглядывались в бумаги, влажнели и затягивались туманом глаза...

Эта картина поразила в самое сердце и Сырым-батыра, он закричал:

– И вы тоже ... приведите! Приведите пленных! Где ты, Жандыбай? Где пленные?! Доставь их! Приведи их быстро сюда! – кричал Сырым своему бесстрашному младшему брату Жандыбаю-заике.

Несколько верховых джигитов птицами понеслись к четырём или пяти сереньким юртам, поставленным в укромном местечке у ложбины на том берегу.

Пленных привели... И тут ушей народа достиг мощный голос Сырым-бия, закричавшего:

– Уа, народ наш! Уважаемые гости! Братья! Хотя разговор об обмене пленными идёт давно, да всё не получалось это осуществить. К позору нашему, милосердие жандарал-губернатора превзошло наше... Впервые человек другого народа устыдил казахов, которые умеют брать изрядно, но отдают стократно!

Но что случилось, то случилось, упущенного не воротить. За тех сто шестьдесят восемь человек в списке мы намерены вернуть всего тридцать из тех, кого привели с Таналыка. Среди них есть и начальник крепости, и один казачий атаман. Остальные же ещё до начала наших переговоров, оказывается, были проданы в Хиву и Бухару! По мере наших возможностей, будем разыскивать их дальше. Кого найдём – воротим! Дабы закрепить взаимопонимание, освобождаем ещё одного пойманного нашими джигитами лазутчика-армянина, который под видом купца пробирался из Хаджи Тархана в Теке. Обмен пленными будет ещё продолжаться. Да принесёт это благо!

Ну, господин Мендияр! Уважаемый хазрет! Пока будем взаимно довольны этим. Остальное – со временем! – проговорил Сырым-би, перепоручая пленных, ещё не до конца поверивших своему счастью, гостям.

Ах, когда взрослые мужчины плачут навзрыд, то даже вчерашним врагам нелегко видеть эти слёзы...

Пока народ бурно переживал нечаянную радость, коллежский асессор Бекчурин, (ох же, и пройдоха!) вспомнил было о пожелании жандарала, который хотел, чтобы казахи поклялись покончить с набегами на линию. Но здравый смысл всё же подсказал казахам правильные слова:

– Господин, Мендияр! Наше с вами соглашение ещё не созрело настолько, чтобы какие-либо клятвы были уместны. Пока не решён вопрос об угодьях вдоль Яика, погодим! Как вы сами предложили, пошлём для начала несколько наших человек из самых известных биев в Оренбург... Пусть губернатор переговорит с ними! Если они достигнут согласия, то клятву принести – всегда успеется! Однако для этого необходимо пресечь насилие казаков, возвратить нам Бухарскую сторону Яика, да позволить кочевьям перебираться в особо суровые зимы на Самарскую сторону... Тогда и мы поклянёмся... – вот такую отповедь дали Бекчурину.

Большое собрание уже близилось к завершению. Верховный би «Народного совета» Байбахты Сырым возвысил голос, дабы подвести итог:

– Многоуважаемые сокровники! – начал он. – Братья! Нашей целью было решить, как сохранить народ наш и его уклад?! Спасибо всем за предложения и советы! По-моему, мы достигли своей цели.

Вы выбили из седла хана, который выступил против воли своего народа и пошёл на поводу у чужаков. Вместо Ханского совета, который был распущен около тридцати лет назад, поднял своё знамя «Народный совет»! Бразды правления народом хоть и выпали из рук аристократии, торе, всё равно остались в руках лучших представителей нашего народа!

Разумеется, это случилось не только из-за слабости Нуралы-хана. Это явилось знаком того, что наш народ созрел, что он способен решать собственную судьбу!

И всё же знаю, что ещё много тех, кто скажет, что и хан, и ханская власть «были нашими духовными скрепами»! Надеюсь, созданный вами «Народный Совет» не даст народ в обиду!

К тому же... есть примета: «Всё зависит от первого шага невестки и от посоха чабана». Первый же шаг «Совета» – доброе деяние. Мы обменялись пленными. Сто шестьдесят восемь наших братьев уже завтра выйдут на свободу!

И ещё скажу вам! Поздравляю с «Народным Советом»! Пусть он будет долгим! Пусть служит вашему благу, братья! – завершил свою речь Сырым-би...

И весь народ, волнующийся, словно полноводное море, выдохнул разом:

– Аминь! – и бесконечная, просторная степь будто ахнула вслед за ним...

* * *

Отступление-алкисса...

«Народный совет» завершился, и хотя тяжёлый груз, который взвалили на свои плечи Сырым-би и его соратники, стал как-будто легче, они ни на миг не забывали о том, что многие дела ещё ждут своего решения. Ещё только предстоит добиться возврата обильных зимних угодий вдоль Яика и покончить с насилием казаков.

Увидев собственными глазами, как взбурлил разгневанный народ, оренбургские гости поспешили успокоить собравшихся и передать предводителям родов приглашение жандарала приехать в Оренбург и в личной беседе найти точки соприкосновения. Были отобраны шестнадцать человек из биев и батыров, а вместе с ними ещё около сотни для сопровождения и обслуживания, и разом отправлены в путь.

Когда же эта группа, возглавляемая Турманбет-бием, благополучно воротилась назад, люди были так несказанно обрадованы, что устроили веселье и игры. Представителей «Народного совета» не только приняли с почётом в Оренбурге и наградили подарками, но и выслушали с большим сочувствием.

Во-первых, жандарал-губернатор вызвал к себе начальника Оренбургской Экспедиции по пограничным делам жандарала Зенбулатова, начальника Войсковой канцелярии Уральского казачьего войска бригадира Акутина и его заместителя атамана Донскова и категорически запретил им впредь направлять в степь карательные отряды и промышленять барымтой.

Во-вторых, губернатор прилюдно объявил, что отныне никому не дозволено обижать казахов, перебравшихся на левый берег Яика, и разрешил более семидесяти тысячам трёмстам юртам в этом же году селиться на землях, от укрепления Сахарлы⁶ до Уйшика⁷.

Решение «Народного совета» совершенно изменить порядок правления народом, оказывается, сначала вызвало сомнения у жандарал-губернатора. Но после того, как ему вручили письмо о всеобщем недовольстве ханом, а также о многих преступных злоупотреблениях не только его самого, но и всего его семейства, сановник ограничился только предупреждением: не вздумайте, мол, причинить какой-либо вред человеку, назначенному Её Величеством Государыней.

Таким образом, в конечном счёте, жандарал поддержал передачу власти трём авторитетным и влиятельным биям трёх племенных объединений.

А то, что Верховным бием «Народного совета» избран батыр и би Байбахты Сырым, а в качестве его советников – бии Ысык Каратау и Кете Коккоз, жандарал и вовсе принял с одобрением.

Более того жандарал-губернатор выдал всем шестерым специальные документы, подтверждающие, что они являются доверенными руководителями народа, и разослал начальникам всех крепостей и укреплений вдоль Линии особое указание, предписывающее почитать этих людей...

У главного бия объединения Байулы, Шеркеш Турманбета, лицо так и сияло, а глаза искрились, когда он рассказывал сокровникам об этом. А затем с особым удовлетворением он протянул предводителям родов несколько документов:

– Вот... Посмотрите сами! Смотрите, кому и в каких угодьях позволено селиться?!

Народ, не умеющий читать, передавал эти листочки из рук в руки, пока они, наконец не дошли и до секретаря Сырым-бия Абдулфатиха-муллы.

Обычно становившийся в таких случаях важным и надменным мулла и в этот раз не изменил своей привычке. Расправив бумаги, он со значительным видом взглянул на присутствовавших и начал читать:

⁶ Сахарлы – название местности, прозванной русскими «Сахарная».

⁷ Уйшик – в ту пору Гурьев, нынешний город Атырау.

«Первое:

Следующим людям селиться между крепостями Калмыковской и Кулагинской⁸):

Маскар Шектибай Утенов сын	– 500 юрт;
Кызылкурт Жанбай-батыр Сегизбаев сын	– 400 юрт;
Берши: Дуйсен- би	– 7 тысяч юрт;
Шойгас- батыр	– 7 тысяч юрт;
Кошкар-батыр	– 500 юрт;
Аккете Коккоз- би	– 500 юрт;
Шекты Мусреп Бихутов сын	– 400 юрт;

Второе: следующим людям селиться напротив Калмыковской крепости:

Алаша Сыпыра- би	– 3 тысячи юрт;
Маскар Донен- батыр Итемгенов сын	– 1 тысяча юрт;

Третье: следующим людям зимовать напротив крепости Сарайчикской

Султан шектинцев Карабай	– 1 тысяча 500 юрт;
Алаша Медет-би	– 3 тысячи юрт;
Шеркеш Сарша Урисов сын	– 1 тысяча юрт;
Сын Шекты Шукрали-батыра Байнак и его сородич Сеитмухамед Сегизбаев сын	– 300 юрт;
Адай Аликыран-батыр Имантаев-сын	– 500 юрт; зимовать на Карако-

ле;

Байбахты Акымбет Каратаев-сын – 800 юрт; зимовать на Баянтугае;

Четвёртое: следующим людям зимовать между Уйшиком и Сарайчикской:

Шеркеш Жаркынбай-батыр	– 3 тысячи юрт;
Ысык Каратау-би	– 10 тысяч юрт;
следующим людям зимовать между Уйшиком и урочищем Актобе:	
Таз Кулжабай-би Беккулов сын	– 3 тысячи юрт;
Есенбай-би Курткин сын	– 1 тысяча юрт;
Мындаулет-батыр	– 1 тысяча юрт.

Всего: 45130 (сорок пять тысяч сто тридцать) юрт .

Остальные более 25 (двадцати пяти) тысяч юрт: аулы Байбахты Сырыма, Табын Тленши, Тама Кадыра, Берш Кара, Есентемир Сасыкбая: будут распределены специальным приказом...»

Прочитавший всё, важничая и морщась, Абдулфатих-мулла, полагая, что всем, как и ему, наскучили эти перечисления, поднял голову от бумаг и обнаружил, что присутствующие внимали с таким напряжённым вниманием, можно было услышать жужжание мухи.

Более того, как только он завершил чтение, народ так и загудел:

– Пай-пай! Говорят же: «У исполненного дела нет недостатков, с завершившего дело мужа нет спроса!» Хорошее дело слажено! Непростое! Хан не справился, а «Народный совет» во главе с Сырымом одолел! Слава Богу! Слава Богу!

...Дожидавшиеся вестей из Оренбурга предводители родов до сих пор не откочевали, оставаясь на берегах Жинишке. Сегодня, когда, отведав угощения

⁸ Кулагинская – бывшее название «Ажкар». Угодье деда Сырыма Шолан-батыра.

в юрте главного бия Байулы – Турманбета – и услышав радостную весть, они возвращались в свои аулы, старец Берш Алдар, с улыбкой глядя на Верховного бия Байбахты Сырыма, вдруг проговорил:

– Ну, Сырым, ах, свет ты мой!
 Из простых ты вышел в ханы,
 Из двугорбого стал наром⁹,
 Ты из нетей вышел в ести!
 От стариков ушла отрада,
 Парчовые платья изнасились,
 Гнедые обскакали рыжих!
 Сыновья обошли отцов,
 Дочери превзошли матерей,
 Что за времена теперь случились!?
 А Сырым-би почтительно отвечал:
 Ах, Алдар-ага!
 Коль вышел в ханы из простых,
 Наверно, выбрал мой народ!
 Коль из двугорбого стал наром,
 Значит, казахи вышли в люди!
 Коли из нетей вышел в ести,
 Наверно, так угодно Богу!
 От старцев коль ушла отрада,
 Наверное, прошла пора.
 Коль изнасилась и парча,
 Видать, не ведала ухода.
 Коль рыжего обскакал гнедой,
 Наверно, очень быстроног!
 Коль сыновья отцов обходят,
 Наверное, силу дал им Бог.
 Коль дочери превзошли матерей,
 Наверно разум у них светел.
 И временам, наверно тоже,
 Теперь нужнее только это!..

– Молодец, Сырымжан! Да будут удачливы твои шаги... Именно таких, радующих душу слов я и ждал! – воскликнул старец Берш Алдар.

– Спасибо вам, Алдар-ага! Думается, сумели мы взять новую высоту, согласны?! Тяжкие времена выдались народу нашему... Каким-то будут ещё дни грядущие? Пусть только бережёт его Аллах! – молвил Сырым-би, в душе тысячу и один раз благодаря Создателя, и, словно пытаясь разглядеть предстоящие переменивые дни, всё вглядывался в синеватое марево далёкого горизонта...

Перевод с казахского Георгия Пряхина

⁹ Нар – мощный одnogорбый веплюд-самец.

